

К. П. Брюлловъ (1799—1852).—„Итальянка“
(Музей Имп. Александра III).

СТОЛИЦА и УСАДЬБА

СТОЛИЦА И УСАДЬБА

И. А. Г.

№ 12—13. ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЕРВЫЙ. 1 ІЮЛЯ 1914 г.

(Рядъ статей бар. Н. В. Дризена „О крѣпостномъ театрѣ“ будетъ напечатанъ въ „Ст. и Ус.“).

КРѢПОСТНОЙ ТЕАТРЪ.

ПОСТАНОВКА „ГАМЛЕТА“ ВЪ ПОМѢЩИЧЬЕМЪ ДОМѢ.

(Со старинной акварели).

Боковые павильоны Козеницкаго замка.

КОЗЕНИЦЫ.

(Маіоратъ О. В. Вонляръ-Лярской).

Козеницы (Радомской губ., Козеницк. у.) были королевскимъ имѣніемъ.

Всѣ короли польскіе, начиная отъ династіи Ягеллоновъ, пріѣзжали туда на охоту, такъ какъ огромные лѣса въ окрестностяхъ были полны всякаго рода звѣря и птицы.

Король Казиміръ Ягеллонъ прожилъ тамъ цѣлый годъ во время моровoго повѣтрія въ Польшѣ, такъ какъ лѣсной воздухъ Козеницъ считался особенно здоровымъ.

Въ серединѣ XVII-столѣтія венгерскій князь Ракочи, пользуясь критическимъ положеніемъ Польши, сдѣлалъ опустошительный набѣгъ, во время котораго осаждалъ замокъ и сжегъ городокъ Козеницы.

Императоръ Александръ I останавливался въ Козеницахъ проѣздомъ въ Пулавы.

Названіе Козеницы (Kozienice) отъ рѣчки „Козенецъ" (нынѣ рѣка Загожджонка), куда собирались на водопой дикія козы (серны), водящіяся въ тамошнихъ лѣсахъ.

Старый замокъ временъ Ягеллоновъ было, по приказанію короля Станислава Августа, срытъ вслѣдствіе его ветхости и на его фундаментахъ построенъ охотничій домъ. Безпорядки, происшедшіе во время возстанія 1830 г. и войны 1830—31 гг., привели Козеницкія строенія въ упадокъ и, получившій это имѣніе на правахъ маіората, генер.-лейт. И. И. Денъ долженъ былъ въ 1835 г. приступить къ полной перестройкѣ всего; имъ были возведены новыя строенія, разведенъ паркъ (такъ какъ отъ прежняго осталось всего нѣсколько десятковъ деревьевъ), посаженъ большой фруктовый садъ, насыпаны охранные валы отъ разлива рѣки Вислы. Сынъ его, флигель-адъютантъ Императора Николая I, впослѣдствіи ген.-лейт. сенаторъ В. И. Денъ, продолжалъ дѣло своего отца, строя хозяйственныя постройки, турбинныя мельницы, пивоваренный заводъ, устроилъ конскій полукровный заводъ, расширилъ паркъ, дополнилъ обстановку жилыхъ построекъ.

Перестроенный въ 1835 г., охотничій домъ былъ безъ опредѣленнаго стиля, посему въ должн. шталм. А. В. Вонляръ-Лярскій и его жена Ольга Влад., рожд. Денъ, нынѣшняя владѣлица маіората, поручили въ 1899 г. спеціалисту французскаго Ренесанса, французскому архитектору Ф. Арвефъ, перестройку всѣхъ зданій усадьбы, съ прибавкою новыхъ пристроекъ въ стилѣ Генриха II, причемъ наружныя детали взяты изъ разныхъ французскихъ историческихъ замковъ, нѣкоторая часть матеріаловъ и шифръ для

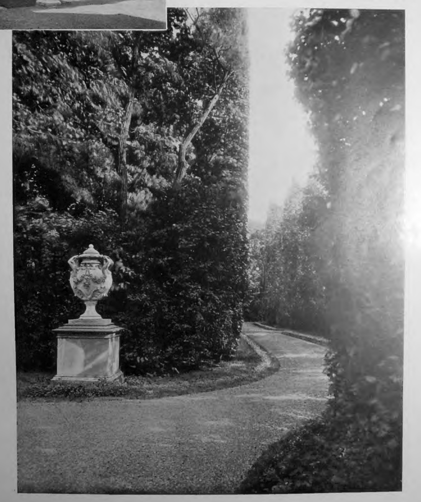

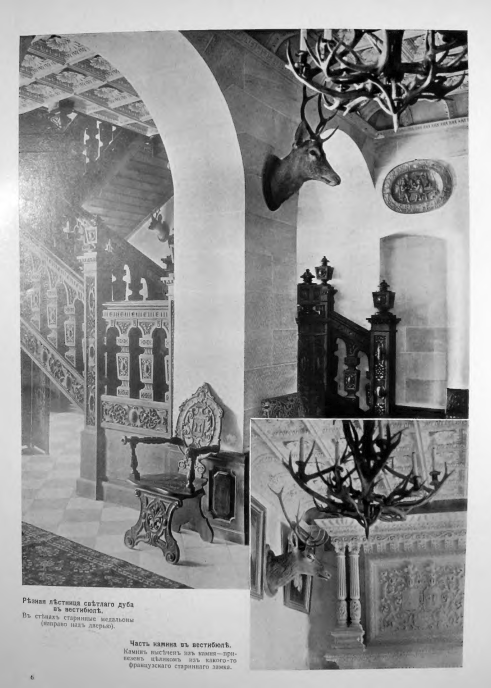
Фасадъ дома со стороны въѣзда.

Выѣздная аллея.

КОЗЕНИЦЫ.

Аллея въ паркѣ.

Рѣзная лѣстница свѣтлаго дуба въ вестибюлѣ.
Въ стѣнахъ старинные медальоны (направо надъ дверью).

Часть камина въ вестибюлѣ.
Каминъ высѣченъ изъ камня—привезенъ цѣликомъ изъ какого-то французскаго стариннаго замка.

Охотничьи группы у замка.

Итальянская гостиная.

крышъ привезены изъ Франціи, были также выписаны заграничные кровельщики.

Замокъ, съ большими и малыми флигелями, составляютъ 100 комнатъ; всѣ постройки, въѣздъ, дворы и паркъ освѣщены электричествомъ, устроены водопроводы и канализація; лѣсъ и фруктовый садъ окружены каменными стѣнами. Внутри парадныя зданія много фамильныхъ портретовъ (копіи Риго, Ларжильера, Кореко и пр.), красивые старые паркеты; рѣзная дубовая мебель, монументальный рѣзной каминъ, лѣпные потолки, библіотека (болѣе 10.000 томовъ); въ паркѣ оранжерея, вазы, колонны, каменные мосты, стриженныя аллеи, много деревьевъ южныхъ породъ.

Изъ старыхъ достопримѣчательностей — колонна въ память рожденія короля Сигизмунда I, XVI столѣтія, каменныя группы охоты въ Козеницахъ на медвѣдя и кабана, итальянскаго художника середины XVIII столѣтія (медвѣди въ лѣсахъ вывелись, но кабаны водятся до сихъ поръ).

Въ замкѣ имѣются большіе портреты Императоровъ Александра I, Николая I, короля Станислава Августа, кисти Келера и Молинари.

Большой залъ въ замкѣ.

Общій видъ замка
(съ пристроенными недавно частями).

КЪ ИСТОРІИ КРѢПОСТНОГО ТЕАТРА.

I.

ШКЛОВСКІЙ БАЛЕТЪ.

Quand on rouvre les tombeaux, on doit aux morts, qu'on en fait sortir, une complète et scrupuleuse justice.

Guizot.

По дорогѣ въ Кіевъ, недалеко отъ Могилева, курьерскій поѣздъ останавливается на нѣсколько минутъ у небольшой станціи казеннаго типа.

Это—Шкловъ, сейчасъ обыкновенное мѣстечко Могилевскаго уѣзда, а когда-то богатая вотчина Екатерининскаго фаворита Семена Гавріиловича Зорича. О былой славѣ городка говоритъ только исторія. Современный обликъ мѣстечка ничѣмъ не выдаетъ своего происхожденія. Грязныя улицы, еврейская бѣдность, обычный складъ домовъ и общественныхъ зданій, все такъ далеко отъ чудесныхъ картинъ минувшаго, которыя соблазнительно рисуетъ воображеніе при знакомствѣ съ эпохой. Одинъ только Днѣпръ не мѣняетъ своей былой красоты. Онъ попрежнему царственно катитъ свои волны среди крутыхъ и обрывистыхъ береговъ, когда-то раздѣляя городъ на двѣ части, мѣстечко и зарѣчную.

Знаменитый хозяинъ Шклова, Зоричъ, принадлежитъ къ числу любопытнѣйшихъ явленій нашей исторіи. Какъ большинство людей своего времени, неожиданно „попавшихъ въ случай", онъ не можетъ похвалиться генеалогіей: по происхожденію сербъ (настоящая его фамилія Наранчичъ), онъ еще въ младенчествѣ испытываетъ превратности судьбы. Четырнадцати лѣтъ отъ роду, онъ уже служитъ въ гусарахъ, участвуетъ въ Семилѣтней войнѣ, раненъ саблею и попадаетъ въ плѣнъ къ пруссакамъ. За „смѣлость въ бою", его награждаютъ чиномъ подпоручика. Въ 1-ю Турецкую войну онъ отличается при переправѣ черезъ р. Прутъ, снова раненъ, снова попадаетъ въ плѣнъ, на этотъ разъ къ туркамъ, у которыхъ томится слишкомъ 5 лѣтъ въ Семибашенномъ замкѣ. При заключеніи Кучукъ-Кайнарджійскаго міра, его освобождаютъ и даютъ Георгія 4-й степени. Съ этой минуты начинается полоса его счастія...

Писаный красавецъ, громаднаго роста, „настоящій дикарь", по собственному его выраженію, онъ, съ ореоломъ необыкновенной храбрости, пріѣзжаетъ въ Петербургъ и назначается адъютантомъ къ Потемкину. Это время совпадаетъ съ успѣхомъ при Дворѣ П. В. Завадовскаго. Вліяніе послѣдняго на Екатерину настолько пугаетъ Потемкина, что онъ ищетъ способъ умалить его значеніе, изобрѣтеніемъ какого нибудь громоотвода. Таковой представляется въ лицѣ Зорича. Онъ быстро замѣняетъ Завадовскаго, но не на долго. Не проходитъ и 11 мѣсяцевъ, какъ, по замѣчанію Энгельгардта, онъ „выбываетъ изъ случая".

Причина столь быстрой, даже для этой эпохи, метаморфозы заключается въ неприспособленности Зорича къ обстоятельствамъ мѣста. Зоричъ принимаетъ всерьезъ то, что было подстроено искусственно, переоцѣниваетъ положеніе, созданное ловкимъ маневромъ, испытаннаго въ придворныхъ интригахъ, дипломата. Однако, пребываніе его въ „милости" служитъ, по обыкновенію, источникомъ неожиданнаго обогащенія. Кратковременность „случая" придаетъ послѣднему даже какую-то пикантность. За 11 мѣсяцевъ „службы", Зоричъ получаетъ два имѣнія и домъ, свыше 400 тысячъ рублей денегъ, приблизительно на такую же сумму подарковъ. Кромѣ того, онъ генералъ-адъютантъ, поручикъ Кавалергардскаго полка, Шефъ Лейбъ-Гусарскаго эскадрона Ея Величества.

Справедливость требуетъ сказать, что счастливая фортуна не отуманиваетъ головы юнаго героя. Пока слава его въ апогеѣ, онъ, по словамъ современниковъ, „ласково обходится со всѣми", никѣмъ не пренебрегаетъ.

Н. К. Загряжская имѣетъ возможность наблюдать его въ два различныхъ момента. 2-го августа она пишетъ: Fort modeste, polie et paraissant très porté à rendre service. 5-го же сентября: Il n'y a qu'une voix sur son compte: grands et petits, tous chantent ses louanges...

Когда же судьба повертывается къ нему спиной и обстоятельства заставляютъ промѣнять шумливый Петербургъ на Шкловскій „Эрмитажъ", маленькая провинціальная дыра, какъ по волшебству, превращается въ культурный оазисъ!

Нужно удивляться такой перемѣнѣ. Вѣдь, по свидѣтельству нѣкоторыхъ біографовъ Зорича (напр., Рибопьера), онъ производилъ впечатлѣніе „человѣка ограниченнаго, безъ всякаго воспитанія". Какимъ же образомъ по мысли такого человѣка выросла цѣлая военная школа, основаны больница, театръ.

Эти учрежденія нельзя даже назвать прихотью самодура. С. В. Тучковъ, посѣтившій Зорича уже въ царствованіи Павла, свидѣтельствуетъ о необыкновенныхъ заботахъ бывшаго фаворита къ питомцамъ созданнаго имъ корпуса. „Онъ самъ ежедневно занимался симъ учрежденіемъ, поступая съ кадетами, какъ рѣдкіе изъ отцовъ поступаютъ со своими дѣтьми. Видя сіе, дворяне Бѣлорусской и сосѣдственной губерніи наперерывъ поспѣшали привозить къ нему своихъ дѣтей, такъ что не только корпусъ его наполнился, но много принимаемо было и сверхъ положенія".

Могъ ли этимъ интересоваться человѣкъ, на самомъ дѣлѣ „ограниченный, безъ всякаго воспитанія"? Не проще ли объяснить подобныя характеристики личными чувствами къ Зоричу, сыгравшими такую важную роль въ его жизни. Съ этой точки зрѣнія представляется нѣсколько страннымъ отзывъ, приписываемый Екатеринѣ о бывшемъ ея любимцѣ: „Можно сказать, двѣ души имѣлъ: любилъ доброе, но дѣлалъ худое, былъ храбръ въ дѣлѣ съ непріятелемъ, но лично трусъ". Больше другихъ Екатерина знала цѣну энергіи, живому уму и предпріимчивости, и вполнѣ искренно не могла выразить подобнаго мнѣнія.

Такъ или иначе, но, охладѣвъ къ Зоричу какъ женщина, она очень долго (вплоть до исторіи съ фальшивыми ассигнаціями) благоволила къ нему, какъ правительница. Проѣзжая на югъ для свиданія съ Австрійскимъ императоромъ Іосифомъ II, она дважды останавливается въ Шкловѣ, благосклонно принимая гостепріимство его владѣльца. Эти посѣщенія сопровождаются, конечно, феерическими праздниками.

Разсуждая, что основная тема настоящаго разсказа, въ главныхъ своихъ частяхъ, связана съ различными торжествами Шклова, я полагаю не лишнимъ остановить на немъ вниманіе читателя.

Екатерина посѣтила Шкловъ 23-го мая 1788 года (спустя, значитъ, 10 лѣтъ послѣ „размолвки").

...„Въ тихій майскій вечеръ въ Шкловъ примчалась позолоченная карета*) съ опущенными стеклами. Впереди скакали верхами, по два въ рядъ, на богато убранныхъ лошадяхъ знатные дворяне; ихъ нагоняли

*) По словамъ Добрынина (см. „Записки") карета Императрицы была „не меньше его кабинета".

почтмейстеръ съ двѣнадцатью почталіонами въ красныхъ кафтанахъ, а за ними доброю рысью неслись пикинеры. Съ правой стороны кареты были на отличныхъ коняхъ гр. Чернышевъ и Зоричъ. При въѣздѣ на площадь Императрица подняла стекла и съ привѣтливой улыбкой стала кланяться удивленнымъ Шкловцамъ. Шествіе замыкалось лейбъ-кирасирами и придворными каретами, запряженными шестерками. Когда поѣздъ приблизился къ липовымъ аллеямъ, Зоричъ, быстро обогнавъ его, встрѣтилъ высокую гостью на крыльцѣ своего дома. За ужиномъ пришло извѣстіе, что императоръ Іосифъ уже въ Могилевѣ. Императрица назначила завтра же утромъ выѣхать изъ Шклова и обѣщала Зоричу на обратномъ пути остановиться у него на цѣлыя сутки. 30-го мая Екатерина была уже обратно въ Шкловѣ, вмѣстѣ съ Іосифомъ.

Послѣ Могилевскихъ празднествъ, изумившихъ Іосифа своею пышностью *), владѣльцу Шклова, казалось, трудно было бы составить программу увеселеній для двухъ вѣнценосцевъ. Но Зоричъ былъ слишкомъ опытенъ въ этихъ дѣлахъ. Послѣ обѣда, на которомъ присутствовали обѣ Императорскія свиты, всѣ перешли въ театръ, гдѣ дворянами-любителями была представлена пантомима, причемъ до семидесяти разъ мѣнялись великолѣпныя декораціи. Въ сумерки все мѣстечко освѣтилось ярко иллюминаціей. На площади трещали смоляныя бочки. Послѣ ужина въ саду зажженъ былъ фейерверкъ и пущено пятьдесятъ тысячъ ракетъ, стоившихъ баснословно дорого.

Семенъ Гавриловичъ Зоричъ,
владѣлецъ Шкловскаго балета.

На другой день Императрица отправилась въ Петербургъ черезъ Смоленскъ и Новгородъ, а Императоръ Австрійскій черезъ Москву" **).

Не менѣе торжественно отпраздновалъ, въ слѣдующемъ году, Зоричъ открытіе новаго зданія Шкловскаго благороднаго училища. Кромѣ установленнаго церемоніала интересны были воинскія карусели.

Послѣ обѣда пушечный выстрѣлъ извѣстилъ о началѣ карусельныхъ приготовленій. Въ половинѣ второго, по другому выстрѣлу, гренадерская и егерская роты заняли караулъ у амфитеатра, устроеннаго въ видѣ квадрата. Барьеръ украшенъ былъ зелеными вѣтвями, военными эмблемами, трофеями и рыцарскими щитами. Каждая изъ четырехъ сторонъ квадрата имѣла ворота для въѣзда четырехъ кадрилей. По обѣимъ сторонамъ воротъ устроены были мѣста для дамъ и другихъ почетныхъ особъ.

Въ центрѣ амфитеатра построенъ былъ открытый на четыре стороны павильонъ, въ которомъ помѣстились карусельные судьи: генералъ И. Н. Римскій-Корсаковъ, полковникъ Ф. И. Марковъ, подполковникъ Потемкинъ и секундъ-маіоръ К. И. Бергеръ. Въ 2 часа, по третьему выстрѣлу, зрители наполнили амфитеатръ и кадрили заняли назначенныя имъ ворота. По данному сигналу изъ каждой кадрили выѣхали на середину по одному кавалеру и, послѣ обыкновенной салютаціи, начались игры. Искусство, проворство, гибкость и ловкость карусельныхъ кавалеровъ не разъ вызывали рукоплесканія зрителей. Когда труба возвѣстила окончаніе игръ, всѣ гости перешли въ оранжерею, гдѣ былъ приготовленъ для дамъ обѣденный столъ, при чемъ кавалеры имъ прислуживали.

Послѣ обѣда Зоричъ пригласилъ гостей въ театръ, кадеты сыграли [illegible]щую русскую комедію, а собственная балетная труппа хозяина исполнила аллегорическій балетъ съ хоромъ. Вечеръ закончился баломъ, на которомъ „нѣсколько дамъ и дѣвицъ, съ Элоизой де-Сальморенъ во главѣ", приблизились къ хозяину и сюрпризомъ пропѣли въ честь его слѣдующіе куплеты:

Колико счастье обрѣтаетъ
Сиротъ чувствительный отецъ.
Колико нѣжныхъ онъ питаетъ
И благодарственныхъ сердецъ.
Почтенъ Монархинею воинъ,—
Вельможей въ сонмѣ предсидитъ,
И оныхъ почестей достоинъ,
Зане всегда благотворитъ.
Прими жъ, отецъ семьи блаженной,
Благодаренье нашихъ душъ,
И удивленіе вселенной,
Прими, прими, ученый мужъ.
И трудолюбными руками
Дѣянья кроткія свершай,
Какъ прежде предводилъ полками,
Такъ нынѣ Шкловъ свой украшай.

Такъ веселились на праздникахъ.

---

*) Подробности пребыванія Екатерины въ Могилевѣ см. у А. Брикнера „Путешествіе Екатерины въ Могилевъ" („Русскіе Вечера" 1875 г.).

**) А. Барсуковъ. „Шкловскіе авантюристы", „Заря" 1871. 1.

Но и въ будни времяпрепровожденіе Зорича отличалось отъ всѣхъ прочихъ. Благодаря тому, что Шкловъ лежалъ на пути изъ Петербурга и Москвы заграницу, Зоричъ не пропускалъ ни одного проѣзжающаго безъ угощенія. Ни одинъ славный музыкантъ, пѣвецъ или пѣвица, не могли пріѣхать изъ Европы въ Россійскія столицы, не давъ, по словамъ современника, нѣсколько концертовъ у Зорича. „Онъ дарилъ ихъ щедро и такъ хорошо съ ними обходился, что многіе жили у него по нѣсколько мѣсяцевъ и изъ признательности давали наставленія собственнымъ его музыкантамъ".

При такихъ условіяхъ общество, посѣщавшее Шкловскій замокъ, было необыкновенно смѣшанное; оно отличалось не только своей интернаціональной окраской (здѣсь были французы, нѣмцы, греки, даже турки), но и разнообразнымъ общественнымъ положеніемъ. Одно время домъ Зорича былъ настоящимъ притономъ международныхъ авантюристовъ. Когда русскому правительству являлась надобность сыскать „какого нибудь сорванца" и въ Петербургѣ его не находили, Императрица приказывала посмотрѣть въ Шкловѣ и „точно, иногда онъ тамъ попадался" *).

Какое же мѣсто занималъ въ такомъ караванъ-сараѣ театръ?

Къ сожалѣнію, исторія того времени оставила намъ незначительныя данныя о театральныхъ представленіяхъ Зорича. Кое о чемъ можно только догадываться. Кое что вытекаетъ изъ показаній современниковъ. Повидимому, у Зорича находились двѣ постоянныя труппы: драматическая и балетная. Кромѣ того, былъ хоръ пѣвчихъ и оркестръ музыки, роговой въ томъ числѣ. Тучковъ въ своихъ „Запискахъ" пишетъ: „театръ и оранжерея съ преогромными залами скоро были построены, хотя комедіанты его были посредственны и лучшія сочиненія были играны охотниками (т. е. любителями) и кадетами. Но балеты были весьма хороши, а также музыка и пѣвчіе".

Изъ другихъ источниковъ мы узнаемъ, что въ спектакляхъ принимали участіе великосвѣтскіе любители. Напримѣръ, французскія оперы разыгрывали княгиня Е. А. Долгорукая, генералъ-поручица графиня Мелина, русскія трагедіи и комедіи — кн. П. В. Мещерскій съ женой и др. Даже балетъ исполнялся иногда любителями, хотя основной элементъ его заключался всетаки въ крѣпостныхъ артистахъ. Такъ, по свидѣтельству Л. Энгельгардта, въ балетѣ танцовалъ Д. И. Хорватъ съ кадетами.

О техническомъ оборудованіи театра Зорича современники разсказываютъ до обиднаго мало. Мы уже знаемъ, что для торжественнаго спектакля въ честь Императрицы до семидесяти разъ мѣнялись великолѣпныя декораціи.

Есть также указанія, что руководителемъ всѣхъ зрѣлищъ, такъ называемымъ „штукмейстеромъ", былъ генералъ-маіоръ Мелиссино, декораторской же частью вѣдалъ отставной ротмистръ австрійской службы баронъ Ванджура.

Совсѣмъ не сохранилось свѣдѣній, каковъ былъ репертуаръ Шкловскаго театра. Судя по нѣкоторымъ намекамъ, онъ заключался преимущественно въ пьесахъ Эрмитажнаго театра, легкихъ комедіяхъ, пантомимахъ и проч.

Кромѣ того, по образцу домашнихъ театровъ этой эпохи, театръ Зорича имѣлъ также своего піиту, обязаннаго во всякое время сочинять пьесы „для случая". Въ этой должности числился мужъ упомянутой уже Элоизы де-Сальморенъ, Тимолеонъ-Альфонсъ-Голіанъ де-Сальморенъ, который, по собственному его признанію, три года находился „подъ присмотромъ Вольтера". Вмѣстѣ съ женой, онъ, повидимому, принималъ

*) Л. Энгельгардтъ, „Записки", 38.

близкое участіе въ спектакляхъ, о чемъ свидѣтельствуетъ счетъ, поданный имъ Зоричу, но послѣднимъ не оплаченный. Счетъ этотъ, всего на сумму 14.158 рублей, характеренъ въ бытовомъ отношеніи. Вотъ нѣкоторые его пункты:

„За покраденныя крѣпостною Его Превосходительства дѣвкою у жены моей вещи, которыя эта дѣвка отдала любовнику своему парикмахеру Его Превосходительства, за что Его Превосходительство обѣщалъ моей женѣ заплатить 200 руб.

„За два года, въ которые жена моя пѣла, играла на клавикордахъ, представляла комедіи для гостей, употребляя для сего свое платье, требуетъ она не десять тысячъ рублей, которыя Его Превосходительство обѣщалъ ей однажды, когда она безпримѣрно хорошо играла, но только по 100 рублей въ мѣсяцъ, что составляетъ за 2 года, въ которые она не получала ни копейки, 2.400 руб.

„За представленіе мною комедій и оперъ въ два года, на что я употреблялъ свое платье и сочинялъ самъ тѣ комедіи, въ разсужденіи, что я не имѣю ничего оставить дѣтямъ моимъ, кромѣ плодовъ, которые я получаю отъ моихъ дарованій, требую я 800 руб." и т. д.

Каковъ же былъ численный составъ труппы?

На этотъ вопросъ болѣе или менѣе опредѣленный отвѣтъ можно дать лишь въ отношеніи балета. Дѣло въ томъ, что послѣ смерти Зорича и ликвидаціи его имущества сводный братъ покойнаго, Давыдъ Гавриловичъ Наранчичъ, предложилъ дирекціи Императорскихъ театровъ пріобрѣсти Шкловскихъ „тансеровъ и тансерокъ". Въ эту эпоху (1800 г.) директоромъ Императорскихъ театральныхъ зрѣлищъ былъ извѣстный А. Л. Нарышкинъ. Онъ командировалъ въ Шкловъ балетмейстера Вальберга, который выбралъ „восемь человѣкъ мужеска и шесть человѣкъ женска пола", очевидно, наиболѣе пригодныхъ для дирекціи.

При этомъ былъ составленъ списокъ избранныхъ, изъ тансеровъ: Фома Шамборскій, Герасимъ Бекеръ, Романъ Бекеръ, Кирилла Скоробогатый, Семенъ Куськинъ (онъ же Куськовъ), Христьянъ Будкевичъ, Евсей Филипповъ (Полетыка), Ефремъ Семеновъ (Чутиковъ). Изъ тансерокъ: Катерина Азаревичева, Елена Даховникова (она же Янкилевичева), Наталья Сонина, Анна Бакурина (она же Ласимовичева), Марья Гушинская, Елизавета Кондратьева (она же Суворова).

Всѣ они были опредѣлены на службу дирекціи, и положено имъ жалованье: 200 руб. въ годъ каждому, сверхъ того квартира, дрова и на „постройку платья" отъ 10 до 20 рублей...

Осталось совершенно невыясненнымъ, какого рода сдѣлка состоялась между наслѣдниками Зорича и дирекціей. Можно думать, что Наранчичъ просто подарилъ своихъ людей дирекціи, выговоривъ за это негласно какую-нибудь милость. Есть и другое предположеніе, что онъ превысилъ свои права, распорядился неправильно имуществомъ Зорича, ибо, спустя двадцать лѣтъ послѣ перваго запроса, возникаетъ другой, разрѣшенный также какъ и предыдущій, т. е. въ пользу дирекціи.

Впрочемъ, раньше, чѣмъ освѣтить этотъ маленькій эпизодъ, покончимъ съ дѣятельностью родоначальника Шкловскаго балета, самого С. Г. Зорича.

Славѣ его суждено было померкнуть еще при жизни. Безумная расточительность, связанная съ необыкновенной довѣрчивостью къ людямъ и страстью къ картамъ, привели къ тому, что къ концу Екатерининскаго царствованія на одномъ Шкловскомъ имѣніи числилось свыше одного милліона долгу *).

При такихъ условіяхъ источники обогащенія становятся безразличными, а лица, пополняющія кассу, близкими и дорогими. Этимъ объясняется, что Зоричъ, по существу честный и порядочный человѣкъ, былъ скомпрометированъ въ процессѣ братьевъ Зиновичей, уличенныхъ въ фабрикаціи фальшивыхъ денегъ. Хотя слѣдствіе и не обнаружило его вины, но

*) Историч. очеркъ образованія и развитія Перваго Московскаго Кадетскаго корпуса, Спб. 1878, 4.

многіе ей вѣрили и въ томъ числѣ Екатерина. По словамъ историка, она почему-то всегда ожидала, что „Зоричъ что нибудь напакоститъ". Такъ или иначе, но опальный при Екатеринѣ, Зоричъ снова всплываетъ неожиданно при Павлѣ. Послѣдній вызываетъ его въ Петербургъ, назначаетъ Шефомъ Изюмскаго Гусарскаго полка, но не надолго. Зоричъ и здѣсь ухитряется что-то натворить, запутывается въ долгахъ, послѣ чего ему передаютъ отъ имени Императора, что „не дурно ему жить въ Шкловѣ".

Это окончательно добиваетъ блестящаго Екатерининскаго фаворита. Тѣснимый кредиторами, пренебрегаемый даже мѣстными жителями, онъ умираетъ въ ноябрѣ 1799 года. Если вѣрить историку, Павелъ не оставляетъ ему въ утѣшеніе даже театръ. „Его велѣно разломать" (Добрынинъ, „Записки").

Впервые о Шкловскихъ крѣпостныхъ артистахъ вспоминаютъ офиціально въ 1812 году. Поводъ тому даетъ нѣкій венгерскій дворянинъ Черноевичъ, именующій себя племянникомъ С. Г. Зорича. Онъ обращается къ Государю Императору съ слѣдующимъ всеподданнѣйшимъ прошеніемъ:

„Тринадцатый уже годъ, какъ по сношенію Господина Главнаго Директора Театровъ и Кавалера Александра Львовича Нарышкина, съ бывшимъ опекуномъ надъ имѣніемъ покойнаго дяди моего Генералъ-Лейтенанта Зорича съ господиномъ Петрово-Солово, взяты на придворный Вашего Императорскаго Величества театръ въ балетную труппу съ бывшаго театра дяди моего изъ собственныхъ его людей 14 человѣкъ, 8 въ танцоры и 6 въ танцорки, которые и понынѣ тамъ находятся. Я закономъ и Вашимъ Императорскимъ Величествомъ утвержденный наслѣдникъ имѣній Зоричева, осмѣливаюсь о семъ обстоятельствѣ Вашему Императорскому Величеству донести: за величайшее счастіе счелъ бы для себя, есть ли всѣ сіи люди угодны были Вашему Императорскому Величеству навсегда для театра, гдѣ они уже столько времени находятся, а въ семъ случаѣ осмѣливаюсь всеподаннѣйше просить, чтобы Высочайше повелѣно было исключить ихъ изъ за меня изъ подушнаго оклада. Повергая въ протчемъ на Монаршее благосоизволеніе сіе усерднѣйшее и всеподаннѣйшее мое пожертвованіе, за щастіе себѣ вмѣню, ежели сіи люди угодны будутъ Его Императорскому Величеству и только по настоящему положенію своему, осмѣливаюсь представить, что всякое за сихъ людей, въ продолженіе многихъ лѣтъ при театрѣ служившихъ, Монаршее пожалованіе, приму съ всеподаннѣйшимъ благодареніемъ" (Общ. арх. М. И. Двора, оп. 97/2121, д. № 1139).

Такимъ образомъ обращеніе венгерскаго дворянина къ Государю носитъ въ себѣ вовсе не безкорыстный характеръ. Такъ, впрочемъ, его и понимаютъ свыше, но желаютъ сначала удостовѣриться въ условіяхъ поступленія артистовъ на службу. Въ этомъ духѣ канцелярія тайнаго совѣтника и статсъ-секретаря Молчанова и запрашиваетъ контору Императорскихъ театровъ. Канцелярія желаетъ знать: „когда и на какомъ основаніи взяты были на Придворный театръ 14 человѣкъ танцовщиковъ и танцовщицъ", „сдѣлано ли распоряженіе объ исключеніи ихъ изъ ревизіи" и „какое сдѣлано наслѣдникомъ Зорича за тѣхъ артистовъ удовлетвореніе". На всѣ эти вопросы контора отвѣчаетъ подробно. По свѣдѣніямъ ея, „показанные" танцовщики и танцовщицы взяты Императорскимъ театромъ въ 1800 году безъ всякихъ условій. Объ исключеніи же ихъ изъ ревизіи дирекція не могла сдѣлать своего распоряженія потому, что они всегда числились и числятся принадлежащими г. Зоричу или его наслѣдникамъ.

Казалось бы, что вопросъ, поднятый Черноевичемъ, былъ сполна исчерпанъ дирекціей. Но, спустя восемь лѣтъ, въ 1821 г., онъ вновь всплываетъ. Возбуждаетъ его Высочайше учрежденная комиссія по долгамъ и дѣламъ Шкловскаго имѣнія. Въ сущности, она спрашиваетъ приблизительно то же самое, что интересовало въ 1811 г. канцелярію Молчанова, т. е.: „какимъ образомъ достались они (артисты) въ принадлежность дирекціи", „получена ли за нихъ въ пользу имѣнія какая плата", „а если не получена, то не слѣдуетъ ли получить" и т. д. Почти одинаковый отвѣтъ даетъ и контора театровъ, но дополняетъ его нѣкоторыми подробностями новѣйшаго происхожденія:

„...Большая часть упомянутыхъ людей выбыла уже изъ дирекціи, нѣкоторые изъ нихъ умерли, другіе Всемилостивѣйше награждены пенсіономъ, а иные находятся въ офицерскихъ чинахъ, такъ что остается теперь не болѣе 5 человѣкъ, да и тѣ за долговременность уже выслужили узаконенныя лѣта для полученія пенсіоновъ. Изъ сего комиссія усмотритъ, что нынѣшній владѣлецъ Шклова, венгерскій дворянинъ г. Черноевичъ, не долженъ и не можетъ имѣть какого-либо притязанія на упомянутыхъ людей".

Форма Кадетскаго корпуса Зорича
(въ Шкловѣ).

Остается сказать о хореографической цѣнности матеріала, которымъ обогатилась русская сцена за счетъ помѣщичьяго театра. Повидимому, онъ былъ не высокаго качества. По крайней мѣрѣ, изъ числа 14 человѣкъ, уступленныхъ дирекціи наслѣдниками Зорича, историкъ балета упоминаетъ лишь одну Катерину Азаревичеву, дѣйствительно отличившуюся въ Павловское царствованіе. Все остальное числилось въ фигурантахъ и существенной роли въ театрѣ не сыграло.

Тѣмъ не менѣе Шкловская труппа пополнила собою ряды русскихъ балетныхъ артистовъ, столь еще рѣдкихъ въ эту эпоху.

Баронъ Н. В. Дризенъ.

Посолъ, баронъ Мотоно, въ своей фотографической мастерской.

ЯПОНСКОЕ ПОСОЛЬСТВО ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Баронъ Мотоно—страстный фотографъ. Онъ отдаетъ все свободное время своему любимому занятію, которое онъ позналъ въ совершенствѣ.

Первый рядъ, сидятъ слѣва направо, г. Марумо 1-й секретарь, посолъ, баронъ Мотоно, посланница баронесса Мотоно; г. Тадука, советникъ посольства, г. Сато, 2-й секретарь. Второй рядъ, стоятъ слѣва направо: г. Мацусима, 3-й секретарь; г. Фурусава, г. Каваи, атташэ; г. Хирацука; г. Уела, 3-й секретарь.

ЯПОНСКОЕ ПОСОЛЬСТВО ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Желтая гостиная

[illegible]

Столовая.
На стѣнахъ картины японскихъ художниковъ, писанныя на шелку.

Жена посланника, баронесса Мотоно, въ національномъ костюмѣ, въ своемъ будуарѣ.

Вокругъ столѣтней сосны-карлика старинныя фарфоровыя фигурки японскихъ гейшъ.

ИЗЪ РАЗГОВОРОВЪ.

[illegible] ѣли и курили. Кто-то спросилъ:

А вы читали, что въ Парижѣ былъ устроенъ недавно кружкомъ гастрономовъ необычайный обѣдъ, обошедшійся въ 250 франковъ съ персоны? Писали даже, что сейчасъ же [illegible] обѣда предсѣдатель слегъ отъ остраго гастрическаго разстройства.

Это не совсѣмъ такъ! Былъ данъ зав-[illegible]ракъ, а не обѣдъ, и не кружкомъ гастроно-[illegible]овъ, а корпораціей французскихъ поваровъ, въ [illegible]ка славныхъ парижанъ — писателей, представителей родовитой аристократіи, нѣкоторыхъ политическихъ и общественныхъ дѣятелей и финансовыхъ тузовъ. Послѣ завтрака было рѣшено единогласно основать „Академію гастрономовъ“ (Academie de gourmets) изъ сорока членовъ на подобіе французской Академіи, состоящей изъ сорока безсмертныхъ.

— Гдѣ былъ этотъ завтракъ?

— Въ Версалѣ, въ столовой знаменитой тамошней гостиницы „Trianon-Palace“...

Сначала были поданы замороженныя дыни, облитыя старымъ Арманьякомъ, и салатъ изъ розовыхъ креветокъ вмѣстѣ съ кончиками свѣжей спаржи...

Съ этимъ первымъ „сервисомъ“ были поданы въ графинахъ Божолэ и Шабли (Tête de Cuvée).

Затѣмъ шли по порядку: холодная „Truite Saumonée au Grand Napoléon“ и Мерсо 1904 года; самая нѣжная часть молодого барашка, такъ называемая „baron“, лучшаго сорта изъ Пойякъ, которую запили краснымъ бордосскимъ виномъ 1907 года, domaine de Chevalier, Léognan...

Послѣ барашка, вмѣстѣ съ Шамбертеномъ 1895 года, были поданы „Les Cassolettes de Mignonnettes de Charolais“ и глазированныя донышки артишоковъ со стаканомъ Шато-Марго 1899 г...

Въ серединѣ завтрака была сдѣлана пауза, какъ говорятъ во Франціи, „le trou Normand“, во время которой нашими гастрономами было выпито для облегченія пищеваренія нѣсколько рюмокъ Кальвадоса, стараго бургонскаго Мара и Квеча (сливовая водка).

Вторая половина завтрака ознаменовалась появленіемъ на столѣ знаменитой „утки въ крови“ (canard au sang), одной изъ спеціальностей извѣстнаго парижскаго ресторана „La Tour d'Argent“, существующаго съ 1582 года. Эту утку запили единственнымъ въ своемъ родѣ бургундскимъ „Hospices de Beaune“ 1899 года.

Затѣмъ гости съѣдали салатъ, разные сыры и подъ конецъ „муссъ“ изъ земляники, съ которымъ было розлито шампанское: Поммери „nature“ 1904 года въ двойныхъ бутылкахъ „magnums“.

Наконецъ, съ кофеемъ были сервированы коньякъ „Grande Fine Champagne, reserve speciale Premier Empire“ 1809 года и гаванскія сигары: „Cabañas-Coronas grandes“, „Hoyo de Monterrey-Excepcionales“ и „Upmann Cabinet Suplimes“ лучшаго сорта, сохранявшіяся дотолѣ въ спеціальныхъ холодильникахъ.

— Да, это настоящее Лукуловское пиршество, — замѣтилъ одинъ изъ слушателей. Но тотъ, кто разсказывалъ, презрительно пожалъ плечами и возразилъ:

Вашъ Лукуллъ былъ только обжора и выскочка! Вамъ слѣдовало бы почитать „Сатириконъ“ Петронія.

(Изъ „Ladies'Pictorial“).

МЕЧТЫ.

Я живую гирлянду стиховъ
На гирлянду стиховъ навяжу;
Ароматомъ восточныхъ духовъ
Я гирлянды свои надушу
И тебѣ изъ душистыхъ гирляндъ
Я вѣнокъ ароматный сплету
И, пока не погибнетъ талантъ,
Буду пѣть про твою красоту!

(Изъ англійск. модн. журналовъ).

Въ глубинѣ малахитовыхъ вазъ,
Въ тайникѣ африканской горы
Я найду заповѣдный алмазъ
Баснословной цѣны и игры
И въ вѣнокъ изъ душистыхъ гирляндъ,
Въ твой вѣнокъ я тотъ камень вплету
И, пока не погибнетъ талантъ,
Буду пѣть про твою красоту!..

Я сіяющій радугой мостъ,
Ослѣпительный мостъ золотой,
Отъ земли до брильянтовыхъ звѣздъ
Перекину воздушной мечтой
И туда, къ небесамъ голубымъ,
Понесу я любовь и мечту,
Для того, чтобъ и звѣздамъ ночнымъ
Разсказать про твою красоту!..

Такъ мечталъ сумасшедшій поэтъ...
Но поэтъ былъ наивенъ и простъ,
И, вздохнувши, сказала ты: „Нѣтъ,
Мнѣ не надо брильянтовыхъ звѣздъ
И не надо мостовъ золотыхъ,
Чтобъ мечтою летѣть въ высоту!
Принеси мнѣ брильянтовъ земныхъ
Иль забудь про мою красоту!

[illegible]

ДЕБОШЪ И НАСЛАЖДЕНІЕ.

(Sketch)

Мы сидѣли за кофе и бокалами вина, послѣ обѣда, въ салонѣ отеля. Одного изъ тѣхъ маленькихъ, но дорогихъ отелей, гдѣ можно устроиться почти по семейному.

„У меня мысль... сюжетъ для картины! Нарисуйте такую картину"—

говорилъ онъ извѣстному художнику, бывшему съ нами.

— „Ночной кабачекъ... не бѣдный, а шикарный, вродѣ Максима. Всѣ столики заняты. Фигуры мужчинъ въ смокингахъ, во фракахъ, и шикарныхъ женщинъ въ большихъ шляпахъ и декольтэ. Все окутано дымомъ сигаръ, винными парами, въ туманѣ блестятъ только кое-гдѣ бриллiанты... Эти фигуры не рисуйте отчетливо, а такъ только пятна бѣлыхъ сорочекъ и большихъ перьевъ въ общемъ туманѣ... чуть-чуть

набросанные контуры лицъ, бутылки, бокалы... цвѣты кое-гдѣ.

Въ центрѣ фигура танцующей испанки,—маленькая, худая, гибкая, съ сухимъ, острымъ лицомъ и впалыми глазами. Среди тѣсно сдвинутыхъ столиковъ, прямо среди контуровъ лицъ. Одѣта въ ярко-красное! Танцуетъ со своимъ партнеромъ, закинувши назадъ голову — совсѣмъ живая смерть. Музыканты тутъ же, тоже въ красномъ; скрипачъ, играя, нагло смотритъ ей въ глаза, совсѣмъ почти вплотную около нея... Она изрѣдка киваетъ ему головой черезъ плечо своего кавалера....

Колотушка сторожа сегодня особенно старается. Вотъ-вотъ, кажется, закричитъ вдали дозорный „слуш-а-а-ай"... какъ, бывало, въ имѣнiи у бабушки. Теперь, вѣроятно, и тамъ нѣтъ уже дозорнаго? Имѣнiе перешло къ кому-то...

Какъ-то не по себѣ.

— Если бы въ Италiю сейчасъ, въ Неаполь!.. вечеромъ на террасѣ, надъ моремъ... Темно-голубое небо, масса тихо мерцающихъ звѣздъ, тихо, вдали еле замѣтно дымится Везувiй. Гдѣ-то играютъ на мандолинѣ, гдѣ-то поютъ... И какой голосъ! Хорошо жить...

Вырисуйте особенно это сухое, дерзкое лицо испанки, и красивое, и страшное, а остальное въ едва замѣтныхъ контурахъ... въ туманѣ. Уловите непремѣнно освѣщенiе...

Да! еще черточка: въ одномъ изъ оконъ сквозь тяжелыя портьеры пробивается тонкая полоска туманно-синяго утра.

Это будетъ называться „дебошъ".

* * *

Я сижу одинъ въ большомъ кабинетѣ загороднаго провинцiальнаго дома. Вѣтеръ жалобно скулитъ въ трубѣ камина, точно вторитъ фоксу... или фоксъ вѣтру. Фокса привязали въ передней, онъ слишкомъ увлекается амурными авантюрами и удираетъ тотчасъ на другой конецъ, хотя и небольшого города; возвращается искусанный.

Che bella cosa,
Na iurnata e sole
N'ária serena doppo
Na tempesta pellaria...

Я знаю солнце,
Еще свѣтлѣе,
И это солнце—
Ты, дорогая
. . . .
O, sole mio...

И я мысленно переношусь въ Неаполь, дополняю картину тонкостями культуры.

... Удобное, обитое краснымъ сафьяномъ, плетеное кресло...; столикъ на бѣломъ мраморномъ полу террасы... Бѣлоснѣжная скатерть и салфетки... въ вазѣ нѣсколько розъ, всего три-четыре, но свѣжихъ,

полураспустившихся, только что сорванныхъ... на нихъ блестятъ капельки воды. Тонкій хрусталь... Какой нибудь напитокъ съ мелко нарубленнымъ льдомъ ginger ale dry, немного кюрасо, двѣ-три вишни и спирально срѣзанная кожура лимона свѣшивается черезъ край стакана, рядомъ съ большой соломинкой. Кругомъ культурные, утонченные люди въ бѣлоснѣжныхъ сорочкахъ и смокингахъ... Пахнетъ гаваной... и сильными въ комнатѣ, но такими пріятными здѣсь, духами.

Ну! дальше...

... И я встаю успокоенный съ кресла и мнѣ уже не скучно: я знаю, что въ Неаполѣ тоже иногда отъ скуки хочется разбить голову о стѣну, если въ этой головѣ нѣтъ никакихъ интересовъ къ жизни, кромѣ одного Неаполя...

Нужно что-то другое — и это внутри себя самого. Чеховское—„Въ Москву, въ Москву"... — непонятно въ Москвѣ. Жизнь Петербурга хороша послѣ сонной провинціи; тихая, южная ночь и мандолина Неаполя [illegible] послѣ нашего тумана и бодрящаго морозца. А тамъ его нѣтъ.

Дальше мандолина, пѣніе; потомъ на автомобилѣ въ горы, черезъ шумный всегда и ночью—Неаполь, къ Везувію... Потомъ вкусный, тонкій ужинъ съ шампанскимъ...

Но это уже было и тогда тоже чего-то не хватало?! Да! Не хватало женщины. Но другой разъ, когда была и женщина, такая дивная, казалось любимая, и мы такъ ссорились, и такъ хотѣлось домой.

Провинціалы ѣдутъ на праздни[illegible] тели столицы ѣздятъ въ деревню или [illegible] Иматру.

Кейфъ, стаканъ тонкаго, „живого" ви[illegible] хватывающая ласка женщины—это счастье [illegible] послѣ работы, послѣ удовлетворенности, какую дает работа мозга...

Вл. Кры[illegible]

ВОСПОМИНАНІЯ О КРАСНОСЕЛЬСКОМЪ ТЕАТРѢ.

(Къ его пятидесятилѣтію).

Почему, отчего, за что я былъ назначенъ директоромъ Красносельскаго театра, не сумѣю сказать и теперь, когда оглядываюсь на сорокъ лѣтъ назадъ и многое представляется болѣе яснымъ, чѣмъ въ лазоревыхъ туманахъ молодости.

Назначеніе директора зависитъ отъ главнокомандующаго, которымъ тогда былъ Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій.

Говорить о Красносельскомъ театрѣ, приводить имена артистовъ и знаменитостей того времени, вспоминать о театралахъ невозможно, не сказавъ хотя нѣсколько словъ о хозяинѣ театра.

Въ нашъ англо-американскій вѣкъ читатель требуетъ краткости, время — деньги, а во всѣ времена онъ требовалъ и будетъ требовать правды и ясности. Итакъ, говоря о свѣтлой личности Великаго Князя, буду, по возможности, кратокъ. Его Высочество красавецъ, великанъ, былъ обладателемъ широкой благородной [illegible]. Онъ представлялся всѣмъ, кто его зналъ, самымъ простымъ [illegible] никогда, нигдѣ, ни въ чемъ искусственнаго, дѣлан[illegible], оставаясь величественнымъ, было естественно, просто.

[illegible] являлся обладателемъ громадной памяти, любилъ [illegible]налъ личный составъ своего округа, доведя это [illegible]ющихъ показателей; не говоря о командирахъ [illegible] эскадронный, ротный, батарейный командиръ, [illegible]фицеръ и заслуженный нижній чинъ не разъ [illegible] главнокомандующаго свою фамилію...

[illegible] года я, будучи ординарцемъ начальника штаба [illegible] Петербургскаго военнаго округа, генералъ-адъ[illegible] Павла Андреевича Шувалова, былъ призванъ въ [illegible] Его Высочество нерѣдко называлъ меня по [illegible] греческому имени: „Я пригласилъ тебя, [illegible] директоромъ Красносельскаго театра“, [illegible] привѣтливо улыбавшагося Главнокомандующаго. [illegible]ръ, нерѣдко посѣщалъ его, но никогда [illegible]леніи имъ не приходила мнѣ въ голову. Не [illegible] Высочества я не могъ, сказать, что чувствую [illegible] была бы неправда; что называется, растеряться [illegible] никогда не приходилось...

[illegible] полусерьезно, сказалъ, что директоры Красно[illegible] очень часто умираютъ: „Генералъ Ушаковъ умеръ, [illegible] штабсъ-капитанъ гвардейскій саперъ Акциновъ [illegible] - умеръ, а теперь Вы меня назначаете“.

А. А. Ломачевскій,
директоръ Красносельскаго театра въ 1874 году,
теперь генер.-отъ-кавалер.
(авторъ статьи).

Признавъ причину моего уклоненія не серьезной, Его Высочество пошутилъ, обѣщавъ мнѣ чуть не безсмертіе, сказалъ, что у директора есть своя дача въ Красномъ и приказалъ принимать театръ и входить понемногу въ дѣло. „Поѣзжай въ театральное училище, познакомься съ начальникомъ репертуарной части, побывай на репетиціяхъ“.

Императорскій подъѣздъ Красносельскаго театра.

„Назвался груздемъ, такъ полѣзай въ кузовъ“, думалъ я, подъѣзжая къ театральному училищу. Начальникъ репертуарной части Павелъ Степановичъ Федоровъ, Репертуаръ Степановичъ, какъ его называли въ театральномъ мірѣ, принялъ меня важно, любезно, какъ выдержанный чиновникъ сороковыхъ годовъ; моя молодость являлась въ его глазахъ непростительнымъ порокомъ. Тѣмъ не менѣе, всѣ нужныя свѣдѣнія мнѣ были даны и я присутствовалъ на репетиціи балета. Моя спокойная скромность была многими участницами репетиціи принята за важность; это, быть можетъ, единственный порокъ, которымъ я никогда не страдалъ.

Зданіе Красносельскаго театра было ярко выдержано въ русскомъ вкусѣ, какъ въ своемъ цѣломъ, такъ и въ его зрительномъ залѣ. Классическія пьесы въ Красномъ не шли; комедіи и водевили ставились не очень часто. Въ мое время, не угасшая и теперь, звѣзда петербургской сцены М. Г. Савина участія въ спектакляхъ не принимала, но зато въ легкихъ роляхъ Красное село видѣло Мартынова и Каратыгина; процвѣталъ балетъ вмѣстѣ съ опереткой, осмѣивавшей съ падшими богами многое высокое. Красавица Кронебергъ была удивительная Belle Hélène, Чернявская неподражаемая Периколла, Монаховъ и Парисомъ, и Пикилю былъ заразительно веселъ и остроуменъ, полицеймейстеръ въ Перикол[illegible] бывалъ нерѣдко чрезвычайно похожъ на Петербургскаго оберъ-полиціймейстера, незлобная каррикатура, недопускавшаяся въ столицѣ, своимъ удачнымъ гримомъ вызывала общее удовольствіе. Украшающій до сихъ поръ Александровскую сцену, Варламовъ соревновался съ Сазоновымъ; въ антрактахъ дирижировалъ бывшій ученикъ театральнаго училища Рибасовъ, а для балета—Панковъ.

Балетъ, какъ теперь переводятъ съ французскаго, составлялъ „гвоздь“ Красносельскаго театра.

Оставаясь правдивымъ, говоря про балетъ моего времени въ Красномъ Селѣ, я долженъ начать съ имени Ек. Гавр. Числовой, хотя она не балерина, а первая танцовщица. Отношеніе Великаго Князя къ ней тайна, извѣстная всему Петербургу; но пусть также за моимъ скромнымъ именемъ будетъ извѣстно и то, что Великаго Князя вмѣстѣ съ Ек. Гавр. Числовой никто, никогда и нигдѣ, кромѣ ея дома, открыто не видалъ; ни одна служебная бумага не перешла порога Ек. Гавр. и всякій Божій день въ 8 ч. утра Его

Высочество былъ во дворцѣ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ. Грѣхъ на кого не живетъ, но соблазна, ущерба дѣлу Великій Князь не допускалъ. Камни, какіе бросали въ далеко не счастливую, даже не богатую Ек. Гавр. были проявленіемъ слишкомъ строгой злобы, а, можетъ быть, и зависти.

Теперь возвращаюсь къ балеринамъ.

Екат. Гавр. Числова.

Евгенія Павловна Соколова, прелестная Жанечка Соколова на балетномъ языкѣ; вы улыбаетесь, не слышали, что есть такой языкъ, „презираю съ бантикомъ", и „моя рука направлена къ вамъ отъ лица балета когтями впередъ". Соколова, теперешняя учительница въ Императорскомъ балетѣ, была грація и мимика во плоти имѣй право балерина говорить, она была бы знаменитой актрисой Сказочная волшебница не могла бы подарить доброму молодцу лучшую фею; ее можно было сравнить развѣ со знаменитой Петипа въ „Дочери фараона"; ея танцы были въ высшей степени отдѣланными, pas d'ombre не забудутъ старые любители хореографическаго искусства. За нею шла Вяземъ, это прекрасная балерина съ высокой техникой, громаднымъ прыжкомъ, стальнымъ носкомъ За балеринами идутъ по положенію и окладамъ первыя танцовщицы, — впереди всѣхъ я ставлю Радину; ея характерные танцы были очаровательны, наряды богаты, Радина выступаетъ и оставляетъ сцену испанкой, цыганкой, подъ рукоплесканія, а русскую эта красивая, даровитая женщина не танцевала, а плясала, да такъ, что всѣ возрасты готовы были идти за нею вприсядку. Недаромъ Радина заполонила сердце одного изъ тогдашнихъ министровъ.

Конькомъ Числовой была качуча. Удивительно сложенная блондинка, съ черными глазами, она вся просилась подъ рѣзецъ ваятеля; ея движенія, ея грація были смѣлы; развивая огромную быстроту, она мгновенно останавливалась, ни одинъ мускулъ ей не измѣнялъ, только опускавшаяся туника указывала на прекратившееся движеніе; тутъ она срывала аплодисменты не для карьеры! Можетъ быть, слишкомъ крупная фигура не вполнѣ подходитъ къ классическому балету. Зато лучшей пары, какъ Числова, неподражаемому въ мазуркѣ Кшесинскому не было.

Кончая воспоминанія о Екат. Гавр., вспомню слѣдующее. Въ ея домѣ праздновалось шестнадцатилѣтіе ея старшей дочери, бесспорной красавицы, напоминавшей испуганную лань; Ек. Гавр. могло быть тогда лѣтъ тридцать пять. Теперь эти дни расцвѣта красоты женщины, рано начинающая жизнь, молодежь считаетъ чуть не старостью! Кто-то, любуясь прелестной героиней дня, новорожденной, напоминалъ счастливой въ этотъ день матери, что когда-то и она была также божественно сложена: черезъ десять минутъ Е. Г. вышла въ гостиную своей ораніенбаумской дачи въ платьѣ дочери, сидѣвшемъ на ней, какъ вылитое! Вотъ какая старость должна быть въ 35-лѣтней женщинѣ...

Марія Маріусовна Петипа была умопомрачительной миловидной красавицей. Одному, очень ув[illegible]кавшемуся ею, блестящему офицеру, теперь государственному дѣятелю, со временемъ посчастливилось найти дѣвушку, очень на нее похожую, ставшую его супругой

Въ числѣ первыхъ танцовщицъ выдавалась Шапошникова, супруга и теперь танцующаго балетмейстера Гердта. Балетмейстерами моего времени были: не старившійся Петипа, Левушка Ивановъ и Богдановъ. Большой граціей и прекрасной техникой обладала Марія Николаевна Амосова, очень нравившаяся [illegible] и одному изъ начальниковъ дивизіи. Мнѣ, вмѣстѣ [illegible] нравилась хорошенькая, скромная, бѣдн[illegible] Зайчикъ, какъ ее называли.

Около пяти обыкновенно [illegible] сослуживицы и сослуживицы; до занавѣса три часа. Кое-кого встрѣчали поклонники и увозили на тройкахъ въ свои полки [illegible] ко времени въ театръ [illegible] въ такъ называемый „вокзалъ" [illegible] навстрѣчу Маріи Мак[illegible] (въ извѣстномъ [illegible] стями или ихъ доч[illegible] въ вокзалѣ, занятый режиссер[illegible]

До входа въ сокровенн[illegible] мною въ театральномъ [illegible] комъ тирѣ [illegible] состязаться съ милыми новоб[illegible] и отлично уравновѣш[illegible] а М. Н. Амосова, навѣ[illegible]

Артисты [illegible] успѣха въ Красномъ [illegible] шомъ театрѣ; тамъ [illegible] постепенности, тамъ [illegible] цензы. Въ Красномъ [illegible] балетмейстеры [illegible] или по докладу [illegible] проведена [illegible] Въ Красномъ [illegible] новенно на [illegible] торыми никто изъ [illegible] малую примани[illegible] что нерѣдко ж[illegible] няется въ Красн[illegible] Княземъ.

Въ мое врем[illegible] абонировано, н[illegible] лагерной ж[illegible]

Фед. Іос. Княжевичъ,
нынѣшній директоръ Красносельскаго театра

этомъ предупредитъ Великій Князь, и театръ ломится отъ желающихъ. Не всѣмъ возможно отказать, не всѣмъ можно предложить второе мѣсто, а въ дни скачекъ, особенно въ день парадной зари съ церемоніей, у директора голова идетъ кругомъ. Случается просить офицеровъ перемѣнить ложу, пересѣсть выше или приходится предложить кресла; не оставишь же свѣтлѣйшаго князя Суворова съ дочерьми безъ ложи, не посадишь полковника Гальяра

или генерала Вердера во второй рядъ. Всѣ знаютъ, что хозяинъ театра Великій Князь, и всякій радъ поступиться своимъ правомъ, для того, чтобы въ театрѣ все хорошо прошло. Но ни къ однимъ очень важнымъ любезенъ Красносельскій театръ; молодой корнетъ, увлеченный Анной Карениной, которая тогда писалась ея знаменитымъ творцомъ, проситъ въ день скачекъ во что бы ни стало ложу, и директоръ отдаетъ ему запрятанный на всякій случай билетъ

Государь неожиданно пріѣхалъ въ театръ и не выходилъ еще изъ аванложи; въ антрактѣ послышалась бравурная увертюра „Пиковой Дамы", спокойный Рибасовъ волнуется и вытягиваетъ свою дирижерскую палочку: всѣмъ стало весело. Долго державшееся выраженіе „было очень весело, Государь много смѣялся", вѣроятно, вышло изъ стѣнъ Красносельскаго театра.

Цесаревнѣ и Великимъ Княгинямъ директоръ подносилъ цвѣты при ихъ пріѣздѣ на спектакль. Постоянная забота у Великаго Князя, чтобы въ театрѣ все было интересно, хорошо исполнено, усилива[illegible] присутствія Государя и Цесаревны съ Наслѣдникомъ [illegible] несенія цвѣтовъ Великимъ Княгинямъ мнѣ еще не [illegible]

[illegible] всей кавалеріи", услышалъ я отъ Великаго Князя, „завтра идетъ хорошій спектакль съ galop infernal, и пригла[illegible]на съ Цесаревной; телеграфируй въ любую придворную [illegible], напиши, что букетъ Цесаревнѣ, тебѣ вышлютъ цвѣты". [illegible] я послалъ двѣ депеши — въ Петергофъ и въ [illegible]ый расторопный кассиръ Тимошенко напрасно [illegible]да: цвѣты такъ и не пріѣхали. Для меня это было [illegible] времена хорошихъ цвѣтовъ въ Красномъ [illegible] возможно. Передаю Его Высочеству о случив[illegible] передъ самымъ спектаклемъ [illegible] серединѣ штокроза, немного левкоевъ, [illegible] настурціи, кругомъ вѣточки елки. Вотъ [illegible] ли поднести эти цвѣты и просить [illegible] другими на завтра", спросилъ я у Вели[illegible] утвердительный отвѣтъ, я нѣсколько [illegible] букетикъ показался мнѣ еще бѣднѣе [illegible] большого хода встала, какъ вкопан[illegible] театра. Быстро соскочившій съ козелъ [illegible] предупрежденъ Главнокомандующимъ, [illegible] вевнѣ выходъ изъ коляски. Цесаревичъ, улы[illegible] молодой женѣ поднимался по бархатному ковру ступе[illegible] станичникъ помогалъ снять легкую накидку, [illegible] Князь представилъ меня Цесаревнѣ; извиняясь за скудность [illegible] силъ разрѣшенія замѣнить ихъ завтра другими. [illegible] букетикъ былъ принятъ и весь спектакль оставался въ рукахъ или лежалъ на рампѣ предъ Цесаревной и даже былъ,

Новое фойе Красносельскаго театра.

послѣ выпавшихъ изъ него плохо связанныхъ цвѣтовъ, [illegible] во дворецъ. Въ эту же чудную лѣтнюю ночь [illegible] можетъ быть и не менѣе лихой поручикъ, скакалъ по Петер[illegible]скому шоссе на Крестовскій къ [illegible]ерсу за цвѣтами. [illegible] Конногренадерскій полкъ поручалъ мнѣ выборъ цвѣтовъ и [illegible] для Цесаревны въ дни полковыхъ праздниковъ. Чайныя розы [illegible] ея любимицами.

Садовники еще спали, выносливые кони передохнули, [illegible] былъ готовъ букетъ душистыхъ свѣтлопалевыхъ розъ съ [illegible]будками и ландышами.

Моя пѣсенка спѣта и спѣта давно, но съ благодарностью [illegible] Богу и людямъ скажу, что моя жизнь была пѣсней. Въ [illegible]нѣвшемъ теперь отъ времени Красносельскомъ театрѣ [illegible] хорошо, свѣтло

Асинкритъ Ломачев[illegible]

Старое фойе Красносельскаго театра.

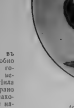
ПО ЕГИПТУ И СУДАНУ.

(П. И. Балинскаго).

(Окончаніе).

Проживши нѣсколько дней въ Каирѣ и осмотрѣвши весьма подробно всѣ достопримѣчательности этого города, мы отправились со скорымъ вечернимъ поѣздомъ по берегу Нила въ Луксоръ. Мы пріѣхали туда рано утромъ. „Винтеръ-Паласъ-Отель" находится на берегу Нила на самой набережной, рядомъ со знаменитымъ Луксорскимъ храмомъ. Гостиница эта поражаетъ своею грандіозностью, комфортомъ и красотой. Передъ фасадомъ въ видѣ полукруга идутъ открытыя террасы-сады, стѣны коихъ покрыты удивительно красивымъ растеніемъ съ цвѣтами въ видѣ длинныхъ сережекъ ярко фіолетоваго цвѣта. Растеніе это называется „Богенвилія" въ честь одного изъ французскихъ генераловъ, который открылъ это растеніе въ Африкѣ и привезъ его съ собою въ Европу.

Луксорскій храмъ еще не весь раскопанъ; въ сѣверной части онъ заваленъ землею, и на этихъ земляныхъ холмахъ стоитъ еще

Страусъ у себя дома

(около Нубійской деревни)

[illegible]

прежде. [illegible]
протяженіи [illegible]
заборами и о[illegible]
которы[illegible]
билетъ пл[illegible]
намѣрено [illegible]

Изъ [illegible]
путеш[illegible]

Гостиница въ Геліополисѣ.

Гостиница въ Гел[illegible]

Храмъ Мединетъ-Абу въ Ѳивахъ.

[illegible]скій храмъ.

[illegible] ...а на палубѣ вы почти [illegible] ...ѣтерокъ даетъ прохладу и вы [illegible] каждую минуту передъ собою [illegible] одна красивѣе другихъ.

[illegible] ...стъ до Шеллаля, откуда идетъ гро... [illegible] ...скаго правительства въ Вади-Хальфу.

[illegible] ...тани Шеллаля, съ одной стороны,—восхитительная [illegible] ...это огромное водяное пространство Нила, задержанное [illegible] построенной знаменитой Ассуанской плотиной, обрамленное со всѣхъ сторонъ высокими гранитными скалами. А съ другой стороны вы видите поистинѣ печальную картину. Какъ разъ почти противъ пристани, изъ воды торчатъ только верхушки знаменитаго храма Филе. Это чудо древне египетскаго искусства затоплено теперь водою, благодаря Ассуанской плотинѣ, и это произведеніе великаго искусства пожертвовано въ пользу техники, благодаря которой обогащается почти вся нижняя долина, затопляемая Ниломъ.

Изъ Шеллаля до Вади-Хальфы два дня путешествія на пароходѣ. Правительственные суданскіе пароходы—громадныя суда, полныя удобствъ, при весьма сносной кухнѣ.

До Хартума поѣздъ идетъ сплошь по Нубійской пустынѣ. Песокъ проникаетъ во всѣ мельчайшія отверстія вагона, и почти черезъ каждые 20 минутъ арабы-проводники приходятъ съ полотенцами, чтобы вытирать пыль.

Когда вы внимательно взглянете на поверхность этой пустыни, опаленную лучами солнца, то вамъ представляется громадная поверхность, покрытая точно маленькими блестящими бриллiантами. Когда мнѣ удалось при остановкѣ поѣзда пройтись по этому песку и взять его въ руки, я увидѣлъ, что онъ состоитъ почти исключительно изъ кварца и слюды, и что никакихъ глинистыхъ и землистыхъ примѣсей въ немъ нѣтъ. Вотъ почему онъ такъ блеститъ на этомъ яркомъ солнцѣ. Между тѣмъ, если тронуть лопатой поверхность этого песка, то убѣдитесь, что внизу подъ нимъ совершенно иной грунтъ, а именно, сплошной лёссъ.

Спрашивается теперь, что же такое представляетъ изъ себя Сахара? Я позволю себѣ отвѣтить на это слѣдующее: Сахара—это самая плодородная страна въ мірѣ, и только непониманіе ея прошлаго и настоящаго, а также косность человѣческая заставляютъ эту страну пребывать въ дикомъ состояніи. Повѣствованія Моисеевой Библіи подтверждаютъ это мнѣніе. Здѣсь находятся скалы, торчащія изъ этого песка, на которыхъ существуютъ и посейчасъ рельефныя изображенія слоновъ, антилопъ, дикихъ козъ, носороговъ, жирафовъ и т. п. звѣрей, указывающія ясно на то, что на этомъ мѣстѣ были цвѣтущія нивы и луга, а на нихъ пасся скотъ всевозможной породы.

Мнѣ разсказывали мѣстные жители, что почти въ любомъ мѣстѣ Сахары можно посадить зерно пшеницы или дерево, и если только его будутъ поливать, оно, навѣрное, будетъ великолѣпно расти. Значитъ, чтобы эту пустыню привести къ жизни, надо дать ей воды, ибо всѣ остальныя данныя для произрастанія существуютъ. Есть ли вода въ Сахарѣ и на какой глубинѣ? Опытные мѣстные люди говорили, что на глубинѣ 22 метровъ почти вездѣ можно найти воду. Когда мы ѣхали на лошадяхъ изъ Ассуана въ Шеллаль по убійственной Нубійской пустынѣ, почти въ самый полдень, и четверка лошадей еле-еле тянула нашъ легкій экипажъ, мы встрѣтили по дорогѣ людей, работающихъ съ кирками на самомъ солнцепекѣ. Это были арабы и нубійцы, которые строили шоссе изъ Шеллаля въ Ассуанъ. По обѣимъ сторонамъ шоссе сдѣланы отверстія, огороженныя бетонными кружками, и въ нихъ посажены уже пальмы и драцены. Посаженныя сѣмена поливаются, и, уже приближаясь къ Шеллалю, мы видѣли, какъ посѣянныя растенія пышно поднимаются. Значитъ, весь вопросъ въ водѣ. Добыть эту воду, по моему, очень просто при помощи солнечныхъ зеркалъ

Когда мы изъ Каира ѣхали въ Гелуанъ, то по дорогѣ видѣли пять громадныхъ цилиндрическихъ зеркалъ, длиною въ 50 метровъ каждое, и эти пять зеркалъ давали до 125 лош. силъ. Вся прилегающая мѣстность орошалась при помощи этихъ зеркалъ. Я не подсчитывалъ, сколько зеркалъ надо въ Сахарѣ и Нубійской пустынѣ для снабженія этихъ мѣстностей водою, но я утверждаю только одно, что это способъ единственный, весьма дешевый и удобно исполнимый. Сахара явится въ недалекомъ будущемъ житницей всего міра, стоитъ только захотѣть, и это будетъ

Въ полдороги мы повстрѣчались съ небольшимъ пароходомъ, идущимъ намъ навстрѣчу. Завидя его, капитанъ немедленно приказалъ остановиться на полномъ ходу и ожидалъ, пока этотъ маленькій пароходъ не пройдетъ мимо насъ. На вопросъ мой—почему это такъ дѣлается, онъ отвѣтилъ: „Навстрѣчу ѣдетъ начальникъ края лордъ Китченеръ, и мы, по закону страны, обязаны остановиться и пропустить его". Это обстоятельство всѣхъ насъ поразило. Мы никакъ не могли этого понять, въ особенности тѣ изъ насъ, которые бывали въ Англіи, самой либеральной странѣ въ мірѣ, гдѣ король англійскій гуляетъ запросто по улицамъ, гдѣ онъ ѣздитъ на одномъ и томъ же пароходѣ съ обыкновенными пассажирами, и вдругъ въ его провинціи, Суданѣ, отдаются такія высокія, прямо таки королевскія, почести его намѣстнику, лорду Китченеру. Но когда мы попали въ Хартумъ, столицу Судана, то поняли, почему это такъ дѣлается. И если бы не лордъ Китченеръ, и не проявленія его суроваго режима въ этой странѣ, она давно бы уже не принадлежала Англіи. Только одни англичане могутъ такую страну удержать въ покорности, и только они одни могутъ привести ее къ цивилизаціи...

Заходъ солнца на Нилѣ.

На слѣдующее утро мы прибыли въ Вади-Хальфу, гдѣ сѣли въ поѣздъ, идущій въ Хартумъ. Поѣздъ этотъ весьма оригинальный и заслуживаетъ, чтобы о немъ было сказано нѣсколько словъ. Онъ также выкрашенъ въ бѣлую краску, какъ и поѣздъ въ Каирѣ, но только стекла двойныя, дымчатыя; снаружи жалюзи и, кромѣ того, еще верхъ оконъ обшитъ вагонными досками. Въ поѣздахъ очень помѣстительныя купэ, обитыя всѣ кожей, и въ каждомъ купэ непремѣнно электрическій вентиляторъ. Только благодаря этому вентилятору, можно свободно дышать.

Послѣ путешествія на пароходѣ прибытіе въ Уади-Хальфу показалось намъ какимъ-то адомъ. Жара была невыносимая. Солнце пекло до такой степени, что трудно было передвигаться, а нужно было еще пройти мѣстную таможню.

Въ этой таможнѣ ищутъ въ вещахъ пассажировъ исключительно огнестрѣльное оружіе. У насъ было съ собой два револьвера. Меня немедленно пригласили къ управляющему таможни. Я объяснилъ ему цѣль моего путешествія, и онъ моментально и безпрекословно выдалъ мнѣ разрѣшеніе на оба револьвера, но предварительно вынулъ патроны и записалъ размѣръ какъ калибра револьвера, такъ и размѣръ патрона.

На всемъ протяженіи, до самыхъ сумерокъ, а также на слѣдующее утро, мы ѣхали по Нубійской пустынѣ и встрѣчали оригинальные предметы. Пустыня эта вовсе не мертва, какой я представлялъ

себѣ ее раньше. Мы встрѣчали очень часто цѣлыя стада антилопъ, какихъ-то маленькихъ пушныхъ звѣрьковъ, вродѣ зайцевъ, убѣгающихъ съ невѣроятной быстротою отъ поѣзда, огромное количество птицъ, а ночью полчища гіенъ и шакаловъ наполняли своимъ ревомъ пустыню; и когда поѣздъ останавливался на станціяхъ, концертъ этотъ былъ слышенъ весьма ясно.

Пустыня, за немногими исключеніями, имѣетъ видъ ровный. Хотя вы часто видите цѣлыя группы скалъ, имѣющихъ, въ большинствѣ случаевъ, коническую форму и торчащихъ изъ песка, какъ будто бы эта холмистая мѣстность съ высокими утесами была когда-то засыпана несмѣтными массами песку. Въ нѣсколькихъ километрахъ другъ отъ друга расположены арабскія и нубійскія деревни, всѣ изъ землянокъ, слѣпленныхъ изъ необожженнаго кирпича и снаружи смазанныхъ глиною. Въ рѣдкихъ случаяхъ деревни эти имѣютъ растительность: это пальмы и драцены, а иногда попадается сѣрый колючій мохъ и весьма незначительное количество кактуса. Въ нубійскихъ деревняхъ масса совершенно голыхъ съ курчавыми волосами маленькихъ нубійцевъ, сидящихъ и играющихъ на солнцѣ, и только два вида животныхъ, являющихся всегдашними спутниками всякаго нубійца, оселъ и верблюдъ.

Когда мы сѣли въ поѣздъ, намъ разсказали, что, по прошествіи нѣкотораго времени, мы ясно увидимъ чрезвычайно интересное и фантастическое зрѣлище — фата-моргану.

Если вы долго ѣдете по пустынѣ при сильномъ солнечномъ свѣтѣ, то, отъ переутомленія зрѣнія и частью отъ разрѣженности воздуха, вы видите передъ собою въ пустынѣ вдругъ цѣлыя озера, въ нихъ торчащія пальмы, драцены и т. п. мѣстныя растенія На самомъ дѣлѣ ничего этого нѣтъ! Вы ѣдете по глубокимъ пескамъ, гдѣ деревьевъ нѣтъ, а о водѣ не можетъ быть и рѣчи, но вы видите все это ясно. Странно при этомъ, что это явленіе видите не вы одни, а буквально всѣ до единаго человѣка, ѣдущіе въ поѣздѣ, и при томъ на томъ же самомъ мѣстѣ.

После 26 часовъ ѣзды по пустынѣ, мы пріѣхали въ Хартумъ. Около Хартума мѣстность покрыта уже довольно значительной растительностью, встрѣчаются иногда цѣлыя лѣса тропическихъ растеній и несравненно большее количество жилищъ. Хартумъ лежитъ у Бѣлаго и Голубого Нила, какъ разъ на стрѣлкѣ, которая образуется сліяніемъ этихъ двухъ рѣкъ.

Весь городъ растянутъ по берегу Голубого Нила. Вблизи старинная столица Судана Обдурманъ, гдѣ обиталъ въ оное время всесильный правитель Судана Махди. Самъ Хартумъ представляетъ изъ себя чрезвычайно интересный городъ, тѣмъ болѣе интересный, что въ этой дикой странѣ это единственный и первый городъ, заложенный на совершенно европейскій ладъ.

Интересно и характерно слѣдующее обстоятельство въ нашей гостиницѣ. Гостиница эта представляетъ собою длинное 'зданіе, въ серединѣ котораго находится широкій коридоръ, а по бокамъ комнаты, но торцевыхъ стѣнъ въ этомъ коридорѣ нѣтъ, коридоръ прямо выходитъ на воздухъ. Передъ каждой комнатой находится балконъ. Большинство пріѣзжихъ ночуютъ подъ открытымъ небомъ, выдвигая на ночь свои постели на балконъ, ибо въ комнатахъ, вслѣдствіе ночной жары, нѣтъ возможности спать. Завтракаютъ и обѣдаютъ всѣ въ наружномъ дворѣ гостиницы, ибо, хотя и есть большія залы, столовыя для обѣдовъ и завтраковъ, но въ нихъ нѣтъ возможности высидѣть. Вечеромъ этотъ дворикъ освѣщенъ разноцвѣтными электрическими фонариками, что придаетъ ему уютность и большую живописность...

Хартумъ давно уже является столицею Судана и главнымъ его рынкомъ. Съ давнихъ поръ здѣсь были ярмарки, куда стекались продавцы со всего Судана. За нѣсколько сотенъ верстъ сюда собирались охотники, привозившіе перья страусовъ и всевозможныхъ рѣдкихъ птицъ, громадныя количества всевозможныхъ шкуръ — львовъ, антилопъ, шакаловъ, гиппопотамовъ, крокодиловъ и т. п. животныхъ. Сюда же привозились со всей Центральной Африки громадныя партіи слоновой кости, и это такъ же почти продолжается и до сихъ поръ. Это обстоятельство, мнѣ кажется, сдѣлаетъ изъ Хартума въ весьма недалекомъ будущемъ африканскій Парижъ, куда, придетъ время, будутъ стекаться какъ всѣ жители, такъ и всѣ товары Восточной, Сѣверной и Южно-Центральной Африки, а, въ особенности, если проведется желѣзная дорога отъ Хартума до озера Викторія Ніанца.

По ту сторону Нила расположена столица Махди,—Обдурманъ.

Никакого понятія объ улицахъ и тратуарахъ здѣсь нѣтъ. На улицахъ сыпучій раскаленный песокъ, и достаточно заглянуть лишь въ любую изъ саклей, чтобы убѣдиться, въ какомъ дикомъ животномъ состояніи находится еще этотъ народъ.

Внутренность Карнакскаго хра[illegible]
(Направо стоитъ Ф. 1

Отъ Махди остался лишь [illegible] который находится теперь в[illegible] Этотъ дворецъ представл[illegible] обнесенный довольно в[illegible] продолговатаго четырехуголь[illegible] находится другой дворъ меньш[illegible] немъ уже помѣщается [illegible] насъ встрѣтилъ англійскій чиновн[illegible] семидесяти, суданецъ съ сѣдои[illegible] бѣломъ халатѣ; подведя насъ [illegible] дящейся посреди его скамейк[illegible] ный Махди каждый день выходи[illegible] былъ краткій. Одинъ изъ его [illegible] же кидалос[illegible] ящуюся съ [illegible] По окончаніи [illegible] вѣческихъ тѣлъ [illegible] а самыя тѣла выво[illegible] скую площадь и сл[illegible] корма шакаловъ, гіен[illegible] кихъ птицъ. Когда чер[illegible] реводчика я спросилъ стара[illegible] „А кѣмъ онъ самъ былъ при [illegible] номъ Махди?", онъ отвѣтилъ [illegible] стоялъ при тронѣ и его обязанност[illegible] было отрубленныя части человѣче[illegible] скихъ тѣлъ кидать въ яму!

Входъ въ гаремъ Махди.

Рядомъ со спальней Махди построено трехъэтажное здані[illegible] такж[illegible] изъ необожженнаго кирпича; гдѣ жилъ его гаремъ. По словамъ старика, въ гаремѣ было 140 женщинъ, и всѣ онѣ дѣлились на три категоріи: фаворитки спали въ верхнемъ этажѣ, въ среднемъ спали провинившіяся женщины, а въ нижнемъ помѣщались женщины, сильно провинившіяся. Въ чемъ была провинность этихъ женщинъ,—вопросъ остался невыясненнымъ. Всѣ эти дамы гарема спали, какъ животныя, на полу.

На третій день пребыванія въ Хартумѣ мы отправились на небольшомъ пароходѣ вверхъ по Бѣлому Нилу.

Начиная съ Хартума Бѣлый Нилъ течетъ все время по низинѣ, заливаемой на десятки верстъ въ періодъ тропическихъ дождей. Всѣ эти низменности засѣяны почти сплошь сахарнымъ тростникомъ, пшеницею и клеверомъ.

Веранда „Винтеръ-Паласа“ (въ Луксорѣ).

[illegible] сахарнаго тростника, на всѣхъ поляхъ [illegible] Нила вы видите массу народа и скота, пасущагося тутъ же. Дѣло въ [illegible] ый тростникъ, то пшеницъ, посѣянная [illegible] мъ, достигаетъ уже 5—8 вершковъ, и [illegible] ой скотъ [illegible] она [illegible]

[illegible]сь этотъ народъ послѣ дневныхъ [illegible] ночуетъ тутъ же въ полѣ на землѣ, вмѣстѣ со всѣмъ скотомъ; земля въ этой мѣстности остается въ продолженіи всей ночи совершенно теплой. Признака не только тумана нѣтъ, но даже росы.

На этомъ протяженіи Нила уже начинаютъ попадаться милліоны всевозможныхъ птицъ и громадное количество крокодиловъ. Тутъ тысячи, десятки тысячъ черныхъ пеликановъ съ громадными желтыми носами, огромное количество фламинго розоваго и ярко пурпурнаго цвѣта, безчисленное количество утокъ мѣстныхъ породъ съ опереніемъ, не уступающимъ фазанамъ... Крокодилы появляются сначала по одиночкѣ, а потомъ все въ большемъ и большемъ количествѣ.

* . *

Вернувшись въ Каиръ, мы посѣтили Геліополисъ. Я ничего подобнаго въ своей жизни не видѣлъ какъ въ отношеніи красоты, богатства и роскоши самыхъ построекъ этого городка, такъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и полнаго безумія тѣхъ лицъ, кто рѣшился истратить милліоны на эти сооруженія. Геліополисъ находится приблизительно въ 20 километрахъ отъ Каира. Путь идетъ по прелестной дорогѣ, по которой вы ѣдете буквально, какъ по столу. На большомъ протяженіи отъ Каира тянется рядъ роскошнѣйшихъ виллъ богатѣйшихъ жителей Каира. Въ промежуткахъ этихъ виллъ вы видите поля, засѣянныя маисомъ, рисомъ, сахарнымъ тростникомъ, клеверомъ и люцерной. Кое гдѣ попадаются небольшія рощи пальмъ, сикоморъ и драценъ. Приблизительно такъ на десятой верстѣ отъ Каира проѣзжаете громадный католическій монастырь, въ которомъ находится до 800 монахинь. Этотъ монастырь построенъ вокругъ огромнаго стараго дерева сикоморы, которое, по словамъ мѣстныхъ жителей, 3.700 слишкомъ лѣтъ. По преданію, подъ этимъ деревомъ ночевала Святая Дѣва съ Младенцемъ Іисусомъ и Святымъ Іосифомъ. Дерево это чтутъ не только христіане, но и арабы, нубійцы и, въ особенности, абиссинцы, которые приходятъ сюда цѣлыми толпами.

Геліополисъ стоитъ на песчаномъ холмѣ форменно сыпучихъ песковъ. Всѣ зданія построены изъ мрамора, гранита и порфира. Всѣ въ какомъ-то новомъ мавританскомъ стилѣ, чрезвычайно изящной архитектуры, но всѣ эти зданія совершенно пусты. Вы проѣзжаете десятки этихъ зданій, пока доѣдете до гостиницы, и все это кругомъ мертво. Тамъ никто не живетъ, и только, подъѣзжая къ гостиницѣ, начинаете замѣчать кое какую жизнь. На вопросъ, что это все значитъ, отвѣчаютъ, что одна бельгійская компанія милліонеровъ задумала построить этотъ городъ и эту гостиницу въ надеждѣ, что здѣсь, въ отдаленіи отъ Каира, удастся устроить рулетку, уже получили предварительное разрѣшеніе на устройство рулетки отъ правительства Хедива. Но когда городъ и гостиница были уже построены, англійское правительство категорически запретило рулетку и весь городъ восхитительной архитектуры стоитъ буквально пустой и мертвый! Сама гостиница—это верхъ роскоши. Все построено, видимо, талантливыми архитекторами, представляетъ собою невѣроятную роскошь и комфортъ, при сравнительной дешевизнѣ, какъ жизни въ этой гостиницѣ, такъ и пищевыхъ продуктовъ, которые, нужно сказать, гораздо лучше и свѣжѣе въ Геліополисѣ, чѣмъ въ Каирѣ. Съ болью въ сердцѣ пришлось уѣхать изъ этого города, увидѣвши безумную роскошь и безумную смѣлость лицъ, задумавшихъ подобное нелѣпое предпріятіе.

Другой курортъ—Гелюанъ, отстоитъ отъ Каира на 30 верстъ. Это печальный городъ, весьма чистенькій снаружи, но переполненный чахоточными и почечными больными, со знаменитымъ источникомъ сѣрныхъ ваннъ, со страшною пылью и со страшною скукою...

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Одно изъ величайшихъ удовольствій, доступныхъ людямъ—путешествіе.

Наиболѣе культурный народъ, англичане, давно это знаютъ и путешествуютъ больше, чѣмъ всѣ остальные народы, вмѣстѣ взятые.

Не говоря о громадной пользѣ путешествій, пользѣ и духовной, и физической, и даже экономической—это прежде всего громадное удовольствіе.

Меньше всѣхъ путешествуемъ мы, русскіе. Иногда мы ѣздимъ, но почти никогда не путешествуемъ! Мы ѣдемъ въ Крымъ, въ Карлсбадъ, Ниццу, но не ѣздимъ „путешествовать“.

Тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія тѣ русскіе, у которыхъ является желаніе и рѣшимость послѣдовать примѣру англичанъ.

У насъ часто слышишь: „Зачѣмъ ѣздить путешествовать заграницу, когда мы такъ мало знаемъ еще свою Россію“. Такъ говорятъ и не ѣдутъ ни по Россіи, ни заграницу.

Одно изъ наслажденій, оставленныхъ людямъ—несомнѣнно, туризмъ. Когда все надоѣло, во всемъ разочарованіе, все скучно—и тогда путешествіе можетъ скрасить жизнь, создать душевное равновѣсіе, возбудить снова жажду жизни...

* . *

По мѣрѣ возможности редакція намѣрена отводить мѣста путевымъ запискамъ русскихъ туристовъ, ихъ фотографіямъ, наброскамъ изъ альбомовъ.

М. И. Лазаревъ.

(Шаржъ Юнкера Шмита).

НА НЕВСКОМЪ ВЗМОРЬѢ.

Штиль.

Въ свѣжій вѣтеръ.

ИМПЕРАТОРСКІЙ РѢЧНОЙ ЯХТЪ-КЛУБЪ.

Клубъ основанъ въ 1860 году. Ко дню его пятидесятилѣтія (въ 1910 году) Высочайше даровано наименованіе „Императорскій“.

Клубъ имѣетъ [illegible] около 600 членовъ [illegible] изъ крупнѣйшихъ спортивныхъ организацій.

Видъ со Средней Невки

НА НЕВСКОМЪ ВЗМОРЬѢ.

Яхта на ходу.

Фот. члена-сотрудн. И. Р. Я.-К. С. И. Сурова.

НА НЕВСКОМЪ ВЗМОРЬѢ.

... Любите Клубъ, любите спортъ
И дружба пусть царитъ во всемъ.
А дружбы нѣтъ—такъ все за бортъ-
И вверхъ килемъ!

(Изъ „Записной книжки семидесятилѣтняго яхтсмэна" Л. Ю. Познанскаго)

[illegible]

Яхты на пути къ старту.
(Передъ гонками).

ВНОВЬ НАЗНАЧЕННЫЯ ФРЕЙЛИНЫ.

Варв. Павл. Попова.

Марг. Серг. Хитрово.

Евг. Карл. Гартингъ.

Ел. Мих. Крупенская.

Я не могу здѣсь быть... Бѣжимъ, бѣжимъ съ тобою
Туда, гдѣ шумъ и музыка, и свѣтъ...
Здѣсь отъ печальныхъ мыслей *нѣтъ отбою,*
Отбою нѣтъ.

* * *

Смотри, смотри туда: багряный лучъ заката
Кровавымъ золотомъ по морю разлился.
Тоской предчувствія природа *вся объята,*
Объята вся...

* * *

Прощальный, свѣтлый лучъ, таинственно-привѣтный
Сомнѣній горькихъ мукъ разбилъ желѣзный кругъ...
О, не бросай меня, мой старый *другъ завѣтный,*
Завѣтный другъ!

К. Сѣверянинъ.

Шт.-кап. гвард. конно-арт[illegible]
Надежда [illegible]

ПОМОЛВЛЕННЫЕ [illegible]

Фрейлина И. В. граф. Ольга Мих. Толстая

Шт. ротм. л.-гв. Коннаго полка
Ал. Ал. Клюки-фонъ-Клюгенау.

Весеннiй сезонъ въ Парижѣ (1914 г.).

Поло въ Багателль (въ Булонскомъ лѣсу)—одно изъ модныхъ теперь мѣстъ, гдѣ бываетъ „весь Парижъ".

(Рисун. F. Fabiano для „Ст. и Ус.").

ВЕСЕННІЙ СЕЗОНЪ ВЪ ПАРИЖѢ.

Весенній сезонъ въ Парижѣ это своего рода Альфа и Омега жизни громаднаго города, итогъ его дѣятельности за истекшій годъ, резюмэ его исканій и увлеченій въ области мысли, въ области фантазіи, вымысла и вкуса.

Еще сравнительно недавно, лѣтъ пятнадцать назадъ, парижскій „сезонъ" начинался въ серединѣ апрѣля открытіемъ двухъ большихъ художественныхъ выставокъ, „Société des Artistes Français" и „Société Nationale des Beaux Arts".

Къ этому времени съѣзжался съ Ривьеры, изъ заграницы и изъ своихъ помѣстій „весь Парижъ", аристократическій и финансовый, то, что парижане въ насмѣшку называютъ „Готой и Голтонои", къ которому примѣшивались иностранцы, еще тогда въ ограниченномъ количествѣ, главнымъ образомъ, богатые англичане, русскіе и нѣкоторые сѣверо-американскіе милліардеры.

Послѣ „вернисcажа" выставокъ свѣтъ и полусвѣтъ посѣщали театры, гдѣ давались лучшія пьесы зимняго сезона или новинки наиболѣе извѣстныхъ французскихъ и, гораздо рѣже, иностранныхъ драматурговъ и музыкантовъ.

Между театромъ, визитами (тогда мало еще были распространены „five o'clock tea" въ гостиницахъ, ресторанахъ и кондитерскихъ подъ звуки оркестровъ венгерскихъ и румынскихъ цыганъ) и утренней прогулкой по Булонскому лѣсу и вдоль avenue du Bois, дамы посѣщали мастерскія извѣстныхъ портныхъ и портнихъ, гдѣ примѣривали самыя новыя „créations", а въ промежутки осматривали витрины магазиновъ на rue de la Paix, гдѣ можно найти...

Все, что въ Парижѣ вкусъ голодный
Полезный промыселъ избравъ,
Изобрѣтаетъ для забавъ,
Для роскоши, для нѣги томной...

Мужчины тѣмъ временемъ заходили въ клубъ, посѣщали „salles d'armes", бывали также на „tir aux pigeons", въ Булонскомъ лѣсу и рѣже въ клубахъ любителей игры въ теннисъ и въ „поло". О гольфѣ тогда еще не было и рѣчи.

Время отъ времени въ Salle Drouot (городскомъ аукціонномъ залѣ) происходили сенсаціонныя „ventes" и давались балы, вечера и благотворительные базары...

Въ концѣ мая начинались „шикарные дни" скачекъ въ Лоншанѣ и Отейѣ, заканчивающіяся въ первой половинѣ іюня розыгрышемъ парижскаго „Grand Prix". Послѣ этого, обыкновенно, начинался разъѣздъ въ „шато", на воды, въ модные курорты и на берегъ моря. Въ концѣ іюня Парижъ начиналъ уже пустѣть, въ іюлѣ свѣтскому человѣку было неприлично показываться на улицѣ Парижа, а въ августѣ уѣзжали „на воды" даже парижскія привратницы!

Въ тѣ годы весенній парижскій сезонъ былъ не менѣе веселъ и оживленъ, чѣмъ теперь. Но онъ былъ менѣе элегантенъ, шуменъ и разнообразенъ, а, главное, менѣе дорогъ.

Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, наканунѣ всемірной выставки, парижская жизнь была проще и обходилась дешевле. Въ то счастливое время еще можно было купить дамскую шляпку у лучшей парижской модистки за 125 фр., заказать хорошее визитное платье за 500—600 фр., теперь точно такое же платье стоитъ уже 1.200—1.300 фр., а шляпамъ и цѣны нѣтъ.

Точно такъ же лѣтъ десять — двѣнадцать назадъ, въ Парижѣ можно было прекрасно пообѣдать въ лучшемъ ресторанѣ и выпить бутылку добраго вина за пятнадцать франковъ, нынѣ это обойдется вдвое. Такъ же вздорожали квартиры, комнаты въ гостиницахъ и т. п.

Тѣмъ не менѣе, все вышеизложенное не есть хула нашему времени. Наоборотъ, мнѣ кажется, что парижскій весенній сезонъ пріобрѣлъ теперь большой блескъ, разнообразіе и законченность. Онъ обходится куда дороже, чѣмъ прежде, и требуетъ отъ тѣхъ, кто слѣдитъ за нимъ, и посѣщаетъ всѣ его спектакли, собранія, празднества и увеселенія, недюжиннаго запаса силъ, энергіи и выносливости. Но теперешніе парижане не чета прежнимъ въ отношеніи выносливости и энергіи. Они почти всѣ занимаются спортомъ и круглый годъ примѣняютъ на дѣлѣ главные принципы „интенсивной жизни", рекомендованной когда-то президентомъ Рузвельтомъ юнымъ сынамъ свободной Америки.

Именно о янки хочется вспоминать прежде всего, когда говоришь о современномъ Парижѣ.

* *

Американизація Парижа началась послѣ всемірной выставки 1900 года и была своего рода реакціей противъ свирѣпствовавшаго дотолѣ декадентства въ искусствѣ и въ литературѣ, туманности и неопредѣленности въ мысляхъ, и какого-то рахитическаго laisser-faire какъ въ жизни, такъ и въ дѣлахъ.

Но еще до этого американизмъ имѣлъ не разъ случай проникнуть разнообразными путями въ различные слои парижскаго населенія: во-первыхъ, появился покеръ, который вскорѣ же восторжествовалъ надъ всѣми французскими карточными играми; во-вторыхъ, жокеи на скачкахъ стали исключительно ѣздить на американскій манеръ (la montée americaine.), въ третьихъ, въ парижскихъ кафэ начали подавать американскіе напитки и открылось неисчислимое количество американскихъ „баровъ", гдѣ французы впервые познакомились со всѣми разнообразными сортами „cocktails"!..

Послѣ этого въ Парижъ пріѣхалъ [illegible] оркестръ капельмейстера Сузы, и всѣ парижане, [illegible] свои національныя шансонетки, стали насвистывать [illegible] Парижѣ была дана извѣстная американская [illegible] ская красавица", потомъ городъ [illegible] нимъ потянулись длинной вереницей американ[illegible] нымъ образомъ, негры, съ которыми [illegible]

Я помню еще хорошо то [illegible] кахъ парижскаго общества [illegible] нято жевать, на манеръ ам[illegible] называемый, „chewing g[illegible] гантную „snobinette", жу[illegible] прабабушекъ временъ Ди[illegible] всесильной моды, не произно[illegible] вмѣсто „d'horreur", щебетали [illegible]

Помню еще, что въ тѣ [illegible] лично знакомымъ съ одни[illegible]

Я ужиналъ вчера с[illegible]
А я смотрѣлъ, ка[illegible]

валъ другой.

Одно время всѣ эти [illegible] заткнули за поясъ [illegible] скаго. Но Дягилевъ бы[illegible] восторжествовала надъ ск[illegible]

Но шутки въ сторону [illegible]

Парижскіе коммерсанты [illegible] новъ могли бы поставить [illegible] памятникъ, такъ какъ [illegible] что парижскій весенній сезонъ [illegible] ресъ и вопросъ, какъ фениксъ, изъ [illegible]

Я помню первые русскіе [illegible] Дягилевымъ въ Grand Opera весной [illegible] не предвидѣлъ, какой громадный [illegible] Парижа, въ парижскихъ модахъ и [illegible]

Русскій балетъ и русская музыкальная [illegible] валъ на первомъ представленіи „Бориса Годунова" и [illegible] рижской оперы, тотъ меня хорошо пойметъ) пробили громадную брешь въ парижской артистической и театральной среди [illegible]

изъ рутины и враждебности. Въ эту брешь ринулся за Дягилевымъ предпріимчивый Астрюкъ съ „Саломеей“ Рихарда Штрауса, съ сезономъ итальянской оперы, во главѣ которой стояли Карузо, Тито Руффо, Слезакъ, Амато, Дестинъ, Тетраццини и др., съ цикломъ симфоническихъ концертовъ, которыми дирижировалъ Вейнгартнеръ, Отто Лозе и другіе нѣмецкіе капельмейстеры. А за Астрюкомъ подоспѣлъ Габріелле Д'Аннунціо подъ руку съ художницей Идой Рубинштейнъ въ доспѣхахъ „Святого Себастьяна“ и ...пилосѣ „Елены Спартанской“ и еще многіе другіе.

...нынѣ все это уже пройдено.

...рядомъ съ русскимъ балетомъ, твердо обосновавшимся ...безъ котораго ни одинъ весенній сезонъ не можетъ ...ствуетъ интернаціональная опера подъ руководствомъ ...йоркскаго „Metropolitan Opera“ и вѣнская оперетта, ...lds“

* *

...ній сезонъ—это праздникъ элегантности и вкуса ...настоящаго ихъ проявленія на скаковыхъ иппо...дромахъ ...сейя и Лоншана. Правда, еще нѣсколько лѣтъ назадъ ...но было встрѣтить „манекеновъ“ самыхъ знаменитыхъ ...скихъ порт...хъ и портнихъ. Но теперь, передъ нахлынувшей волной второстепенныхъ и третьестепенныхъ портнихъ и портныхъ, ...мящихся привлечь вниманіе исключительно эксцентричностью ...тьевъ и пестротой матерій, настоящіе законодатели парижскихъ модъ воздерживаются посылать на скачки въ Булонскій лѣсъ и даже на первыя представленія женщинъ, одѣтыхъ въ изготовляемые ...ми наряды.

Собственно говоря, парижскіе портные постоянно видоизмѣняютъ моды, но къ весеннему сезону подготовляются особенно тщательно потому, что къ этому времени въ Парижъ съѣзжаются со всѣхъ концовъ свѣта богатыя модницы которымъ „положительно нечего надѣть“ послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, проведенныхъ вдали отъ Парижа.

Встрѣчи знаменитыхъ портныхъ и портнихъ съ ихъ кліентами происходятъ, обыкновенно, въ элегантно убранныхъ, благоухающихъ и украшенныхъ цвѣтами помѣщеніяхъ на rue de la Paix и place Vendôme. За послѣдніе годы нѣкоторыя новыя портнихи и портные, какъ напримѣръ, Пуарэ, Люсиль (лэди Руфъ-Гордонъ), Женни и др., обосновались въ старинныхъ и шикарныхъ особнякахъ, окруженныхъ палисадниками и садами.

Проникнемъ въ одно изъ такихъ помѣщеній или особняковъ за серьезной и давнишней кліенткой и посмотримъ, что тамъ происходитъ.

Серьезная и давнишняя кліентка имѣетъ, конечно, свою продавщицу (vendeuse), настоящую даму свѣта, съ манерами и элегантностью маркизы XVIII ст. Продавщица уже хорошо знаетъ не только вкусъ, капризы и странности своей кліентши, но часто и всю ея частную жизнь, ея положеніе, связи и состояніе. Мѣнять продавщицу не принято: это дѣлается только въ крайнихъ случаяхъ.

Продавщица вмѣстѣ съ заказчицей отправляются въ гостиную, гдѣ передъ заказчицей плавно проходятъ лиліеобразныя существа, сильно нарумяненныя, но почти всегда красивыя, именуемыя „манекенами“. Онѣ поворачиваются, останавливаются, садятся, присѣдаютъ, нагибаются, какъ механическія куклы, но лица ихъ выражаютъ, большей частью, одну лишь скуку и апатію! Отъ манекеншъ портные требуютъ только одного: хорошаго роста и тонкую талію, не болѣе 65 см. Имъ платятъ очень мало. У насъ манекеншъ путаютъ почему-то съ „essayeus'ами“, это совершенно не то, Essayeuses—это простыя работницы, которыя примѣриваютъ и закалываютъ платье на заказчицѣ подъ зоркимъ окомъ продавщицы или „première d'atelier“. Это часто замороженныя созданія, немолодыя и некрасивыя.

Если заказчица съ вѣсомъ и исправно платитъ, на примѣркѣ присутствуетъ „première d'atelier“. Это—невзрачная, немолодая и не элегантная женщина. Но ее всѣ слушаются, даже великолѣпная „vendeuse“, такъ какъ „une première“ очень важная особа; она-то, именно, вмѣстѣ съ хозяиномъ или хозяйкой и придумываетъ и комбинируетъ новыя моды. Я знавалъ premières, зарабатывающихъ до 60.000 франковъ въ годъ.

Выборъ наряда и даже примѣрка длятся иногда долгіе часы. У нѣкоторыхъ портныхъ подаютъ чай съ горой печенья и сладостей. Но большинство заказчицъ не имѣетъ возможности засиживаться, такъ какъ ихъ ждетъ масса свѣтскихъ обязательствъ и приглашеній.

Въ часы примѣрокъ, между 2 и 4, rue de la Paix запружена автомобилями и экипажами въ такой степени, что пѣшеходу нѣтъ возможности перейти съ одной стороны улицы на другую. Автомобили и экипажи по четыре въ рядъ двигаются шагомъ между Вандомской площадью и площадью Оперы. Въ пять часовъ улица пустѣетъ, но зато заполняются Елисейскія Поля: автомобили мчатъ своихъ прелестныхъ обладательницъ въ модныя мѣста Булонскаго лѣса и въ ближайшія парижскія окрестности, въ клубы гольфа Лабули, Шантильи и т. п.

Послѣ партіи въ крикетъ, гольфъ, теннисъ, послѣ очередного „garden-party“ или „gymkhanas“ всѣ торопятся домой, чтобы успѣть переодѣться къ обѣду или въ театръ, на вечеръ или на балъ.

Приглашеній на обѣдъ, въ театръ, на балъ во время весенняго сезона получается ежедневно парижанами изъ „Tout Paris“ столько, что два обѣда изъ трехъ отклоняются, и въ одинъ и тотъ же вечеръ стараются попасть въ два театра, на четыре бала или вечера! Въ театръ зимой или осенью можно и не ѣздить, но съ мая по іюль необходимо быть на всѣхъ первыхъ представленіяхъ. Всѣ эти представленія проходитъ при переполненныхъ театральныхъ залахъ, биткомъ набитыхъ элегантной публикой. Весной, въ театрахъ Парижа, вы найдете „весь Парижъ“, „весь Лондонъ“, „весь Бостонъ“, не считая Аргентины и прочихъ еще болѣе экзотическихъ странъ.

Сверху до низу театръ сверкаетъ брилліантами и драгоцѣнными камнями. Всюду фраки, бальные туалеты, самыя красивыя женщины въ мірѣ...

Но театромъ или баломъ не заканчивается еще трудовой день участниковъ или участницъ весенняго парижскаго сезона.

Надо еще ужинать.

Весной ужинать въ городѣ не принято, а потому всѣ рестораны Булонскаго лѣса переполнены. Лакеи мечутся, какъ угорѣлые за кусокъ ветчины платятъ, какъ за цѣлую свинью, за бутылку шампанскаго, какъ за цѣлую бочку. Шумъ, лязгъ ножей, серебристый женскій смѣхъ, томные, а иногда раздражительные, звуки музыки, все это сливается въ какую-то особую какофонію; ночной Парижъ веселится.

На другой день можно было бы, казалось, выспаться. Не тутъ-то было. Необходимо быть въ Булонскомъ лѣсу около полдня и непремѣнно въ аллеѣ акацій.

Въ этотъ часъ это мѣсто Булонскаго лѣса запружено экипажами и на знаменитомъ „Sentier de la Vertu“ нельзя найти уже ни одного свободнаго стула.

Въ концѣ мая является еще новое развлеченіе или обязанность: наступаютъ „шикарные дни“ скачекъ, на которыхъ также необходимо присутствовать.

Прежде, лѣтъ десять назадъ, для „свѣта“ существовало только двѣ недѣли скачекъ въ годъ. Первая начиналась и заканчивалась скачками въ Шантильи, „Prix de Diane“ въ первое воскресенье, „Derby“ во второе; вторая начиналась скачками въ Отейѣ и заканчивалась на Лоншанскомъ ипподромѣ. Теперь изъ этихъ двухъ недѣль выкроили три, и парижскому свѣтскому обществу приходится разрываться на части.

День „Grand Prix de Paris“ не заканчиваетъ сезонъ, какъ въ былое время. Балы, вечера и спектакли еще продолжаются недѣли три и сезонъ замираетъ около 14-го іюля, нѣсколько дней до національнаго французскаго праздника, который, какъ извѣстно, празднуется только парижскимъ народомъ: „общество“ не принимаетъ въ немъ никакого участія.

Таковъ въ общихъ чертахъ весенній сезонъ въ Парижѣ или просто „сезонъ“, такъ какъ всѣ другіе сезоны, вмѣстѣ взятые, не могутъ съ нимъ сравниться.

Русскій парижанинъ.

На rue de la Paix въ Парижѣ—

въ 12 час. „манекены" лучшихъ парижскихъ портныхъ выходятъ завтракать

(Рис. F. Fabiano для „Ст. и Ус.".

Головка изъ воска, приписываемая Леонардо да Винчи, пріобрѣтенная д-ромъ фонъ-Боде для Имперскаго Музея въ Берлинѣ.

Головка изъ воска, принадлежащая М. М. Гаккебушъ (Спб.). Владѣлецъ вспомнилъ о ней, когда увидѣлъ въ англійскихъ журналахъ рисунки головки, пріобрѣтенной фонъ-Боде.

КТО ОНА, ЧЬЯ ОНА?

Natura così mi dispone...
Leonardo da Vinci.

Нѣсколько лѣтъ назадъ весь міръ огласился извѣстіемъ о покупкѣ Императорскимъ Берлинскимъ музеемъ неизвѣстнаго до того времени творенія Леонардо да-Винчи. Дѣло шло о небольшомъ женскомъ бюстѣ изъ воска. Любопытство было тѣмъ болѣе возбуждено, что всѣ произведенія геніальнаго миланца, а ихъ количество крайне ограничено, были уже давно зарегистрированы и ни о какомъ новомъ и неизвѣстномъ произведеніи Леонарда не могло быть и рѣчи.

Тѣмъ не менѣе, директоръ Берлинскаго музея, знаменитый историкъ искусства, профессоръ Боде, кѣмъ былъ купленъ бюстъ, настаивалъ, что это—произведеніе Леонардо да-Винчи, а когда по этому вопросу разгорѣлся споръ, онъ не остановился даже передъ тѣмъ, чтобы бросить на чашку вѣсовъ всю свою репутацію серьезнаго ученаго и тонкаго эрудиста.

Однако, несмотря на это, большинство экстетиковъ и ученыхъ не соглашалось съ мнѣніемъ Боде, и неизвѣстно, чѣмъ бы закончился споръ, если бы въ него не вмѣшался Германскій Императоръ и не „приказалъ считать" новое пріобрѣтеніе Берлинскаго музея вещью, сдѣланною въ эпоху итальянскаго Возрожденія, что, впрочемъ, подтвердилъ и произведенный анализъ воска.

Это рѣшеніе удовлетворило немногихъ, такъ какъ у всѣхъ еще было свѣжо въ памяти, какъ грубо ошиблись французскіе ученые, купивъ за очень большія деньги для Луврскаго музея, яко бы найденную на югѣ Россіи, тіару скиѳскаго царя Сайтаферна, но вскорѣ же оказавшуюся очень ловкой, современной подѣлкой.

Когда страсти немного улеглись, нѣкоторые ученые, а также и журналисты, которые, какъ извѣстно, во все вмѣшиваются и всѣмъ интересуются, обратили вниманіе публики на совершенно забытый перлъ Лильскаго музея изящныхъ искусствъ, на такъ называемую „Викаровскую головку изъ воска", являвшуюся несомнѣннымъ повтореніемъ берлинскаго бюста.

Лильская головка была куплена и подарена музею этого города его уроженцемъ, французскимъ художникомъ Викаромъ, ученикомъ Давида, который долго жилъ въ Италіи, гдѣ и успѣлъ собрать богатую коллекцію всевозможныхъ произведеній итальянскаго искусства. Въ своемъ описаніи найденнаго имъ женскаго бюста изъ натуральнаго воска съ гипсовымъ пьедесталомъ и драпировкой болѣе поздней эпохи, Викаръ относилъ его ко времени Рафаэля, но составители оффиціальнаго каталога Лильскаго музея не были того же мнѣнія и приписали его вліянію Леонардо да-Винчи.

Теперь оказывается, что существуетъ еще и третій восковой бюстъ, не уступающій двумъ предыдущимъ и также весьма похожій на нихъ. Этотъ третій бюстъ находится у насъ въ Петербургѣ въ частной коллекціи, принадлежащей М. М. Гаккебушу. Мы приводимъ здѣсь снимокъ съ него, рядомъ съ воспроизведеніемъ Лильской головки, по снимкамъ можно судить о поразительномъ тождествѣ.

Но владѣлецъ третьяго бюста не желаетъ тѣшить себя иллюзіями; оно самъ признаетъ, что, если головка и безусловно работы итальянскаго Возрожденія, то о вліяніи на нее Рафаэля или Леонардо не можетъ быть и рѣчи. Онъ склоненъ, по разнымъ техническимъ соображеніямъ и послѣ бесѣды съ спеціалистами, считать ее скорѣе произведеніемъ Болонской школы.

Бюстъ, находящійся въ Петербургѣ, былъ купленъ г. Гаккебушемъ на публичномъ аукціонѣ вещей, принадлежавшихъ извѣстному въ свое время русскому акварелисту Михаилу Яковлевичу Вилье, умершему въ 1911 году. Какъ извѣстно, Вилье обладалъ большимъ антикварскимъ чутьемъ и вкусомъ, долгое время жилъ въ Италіи и въ Парижѣ, откуда вывезъ коллекцію разнообразныхъ произведеній искусства. Онъ же сопровождалъ Великую Княгиню Марію Николаевну въ ея поѣздкахъ по Италіи и помогалъ ей собирать коллекціи, покупая вещи безусловно высокой цѣнности и всегда изъ первыхъ рукъ.

Немудрено, что въ одно изъ такихъ антикварскихъ „турнэ" онъ напалъ на эту удачную копію Берлинской и Лильской статуэтокъ и привезъ ее въ Россію, совершенно не зная, какому мастеру и какой эпохѣ ее приписать.

Н. Б.

СТОЛИЦА И УСАДЬБА

ЖУРНАЛЪ „КРАСИВОЙ ЖИЗНИ"

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ:

въ Петербургѣ . . . . . 11 руб. 50 коп.
въ Россіи . . . . 12 руб. 50 коп.
за границей . . . . . . 40 франковъ.

Отдѣльный номеръ—85 коп., съ перес. 1 руб.

Двойные №№ 12—13 и 14—15 продаются по той же цѣнѣ 85 коп.

Выписавшимъ изъ редакціи для ознакомленія одинъ №, при подпискѣ скидывается 75 коп.

№ 1 (три изданія) и № 2 полностью разошлись: годовая подписка принимается теперь, начиная съ № 3.

Установлена подписка, начиная съ № 6—9 руб. 50 коп. и съ № 12—7 руб., до конца года въ Петербургѣ, Москвѣ и провинціи, и 11 руб. 50 коп. и 8 руб. 50 к. за границей.

За перемѣну адреса петербургскаго на петербург., также иногород. на иногород. или петербургскій взимается — 50 коп.

Перемѣна петербург. адреса на иногород.—1 р. 50 к.

Контора журнала покорнѣйше проситъ подписчиковъ, не получившихъ какихъ либо №№ или получившихъ ихъ въ измятомъ видѣ, сообщать объ этомъ, по возможности, немедленно.

Отдѣльные номера у газетчиковъ не продаются— только въ больш. книжн. магаз. и кіоскахъ жел. дорогъ.

— Начиная съ № 10, „Ст. и Ус." [illegible] портретовъ „нашихъ [illegible]" [illegible] попугаевъ, медвѣжатъ, [illegible]

— Они иногда красятъ [illegible] на время отъ прозы жизни...

— Редакція покорно проситъ пр[illegible] графіи.

Нашъ фотографъ можетъ [illegible] тербургѣ (понятно, безплатно)—[illegible]

* * *

Съ большой благода[illegible] кія сообщенія по телефону (211-[illegible]) письменно о частныхъ коллек[illegible] метахъ старины или вообще произве[illegible] ства, находящихся въ частныхъ [illegible] они могутъ быть описаны и во[illegible] страницахъ журнала.

РЕДАКЦІЯ

Каменноостр. пр., 59. Тел. 211-76 и 145-25, телегр. адресъ: Стиус—Петербургъ.

Подписка принимается: — СПБ. Каменноостр. пр., 59, кв. 18.

Объявленія (съ цензурой редакціи) — по 80 коп. строка нонпарели ($^1/_4$ часть ширины страницы).

Цѣлая страница — 400 руб.; меньше $^1/_{16}$ стран. объявленія не печатаются.

При заказѣ на нѣсколько разъ—скидка до 30%.

Можно печатать любыя, самыя тонкія клише. Цвѣтная печать — цѣна по соглашенію, въ зависимости отъ рисунка.

№ 14—15 выйдетъ 1-го августа 1914 года; № 16 выйдетъ 15 августа и слѣдующіе №№ будутъ выходить каждаго перваго и пятнадцатаго.

МАГАЗИНЪ
ГВАРДЕЙСКАГО
ЭКОНОМИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
НА Б. КОНЮШЕННОЙ УЛ.

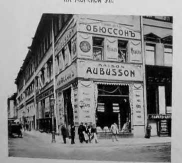
МѢХОВОЙ МАГАЗИНЪ **МЕРТЕНСЪ**
НА НЕВСКОМЪ ПР.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ
АВТОМОБИЛЕЙ
ФІАТЪ
НА Б. КОНЮШЕННОЙ УЛ.

МАГАЗИНЪ КОВРОВЪ ОБЮССОНЪ
НА МОРСКОЙ УЛ.

ДОМЪ
ЕЛИСѢЕВА
НА НЕВСКОМЪ ПР.

ГИМНАСТИЧЕСКІЙ ПРАЗДНИКЪ ВЪ ПСКОВСКОМЪ КАДЕТСКОМЪ КОРПУСѢ.

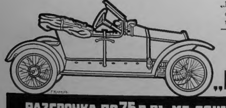
Упражненія, безъ снарядовъ, кадетъ 3-й роты.

Общая группа кадетъ 1-й роты,
участвовавшихъ въ состязаніяхъ на призы въ присутствіи гг. Директора Корпуса, Инспектора классовъ, Командира 1-й роты и обучающаго гимнастикѣ.

1-й рядъ, сидятъ слѣва направо, кадеты: Крузе, Цепелевъ, Савинъ, Макаровъ, Василевскій. 2-й рядъ, сидятъ: кадетъ Бобинскій, г.-м. Вороновъ, г.-л. Осиповъ, полк. Массино 1, подп. Степура-Сердюковъ и кадетъ Мартыновъ. 3-й рядъ, стоятъ кадеты: Ждановъ, Янковскій, Сорочинскій, Васильевъ, Чегодаевъ, Дмитріевъ, Симанкинъ, Предтеченскій, Рыбачевскій и Жонгаловичъ.

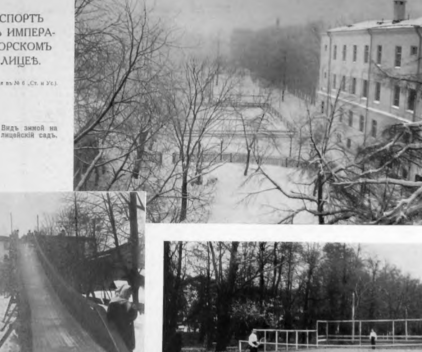
За лучшее исполненіе гимнастическихъ упражненій получили призы кадеты 1-й роты: 1-й призъ—Высочайше утвержденный значекъ—Янковскій; 2-й призъ — серебряный подстаканникъ — Цепелевъ; 3-й призъ — столовая и чайная серебряныя ложки—Савинъ; кромѣ того, всѣмъ, участвующимъ въ состязаніяхъ на призы, были выданы установленные жетоны.

СПОРТЪ ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ЛИЦЕѢ.

(Статья въ № 6 „Ст. и Ус.).

Видъ зимой на лицейскій садъ.

Зимнія горы въ Лицеѣ.

Лаунъ-теннисъ въ Лицеѣ (весной).

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Въ № 9 журнала „Столица и Усадьба" помѣщена статья „Графиня-Крестьянка". Въ нее вкралась неточность.

Говоря о графинѣ Варварѣ Николаевнѣ Головиной, авторъ характеризуетъ ее, какъ женщину, „не отличавшуюся особой быстротой ума", а немного далѣе: „простодушной".

Графиня В. Н. Головина, рожденная княжна Голицына, авторъ очень интересныхъ „Записокъ", хорошая музыкантша и художница, была одна изъ самыхъ талантливыхъ и выдающихся женщинъ своего времени. Діалогъ съ Имп. Екатериной II, приводимый авторомъ, находится цѣликомъ въ „Запискахъ" графини Головиной (см. „Воспоминанія гр. Головиной", Парижъ, 1910, изд. Плонъ-Нурри, предисловіе Валишевскаго, стр. 119; русскій переводъ „Записокъ", сдѣланный Шумигорскимъ, Спб. 1900, стр. 79). Изъ этого діалога ясно видно, что какъ вопросъ Императрицы былъ сдѣланъ въ шутку, такъ и графиня отвѣчала шутливымъ тономъ, вполнѣ сознательно.

Она тутъ же замѣчаетъ сама: „Мой отвѣтъ Ее очень позабавилъ".

Потомокъ гр. Головиной.

С.-Петербургъ.

СПОРТЪ ВЪ РОССІИ.

Л. С. Паская-Шарапова, Е. Н. Паскина, А. М. Ошанинъ и Ю. С. Кауфманъ на Каменномъ островѣ.

Редакторъ-издатель Вл. Крымовъ.